

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

КНИГА ОСЕННИХ ДЕМОНОВ

ЯРОСЛАВ ГЖЕНДОВИЧ

Шедевры фэнтези

Ярослав Гжендович

Книга осенних демонов

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)

Гжендович Я.

Книга осенних демонов / Я. Гжендович — «Издательство АСТ»,
2023 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-116596-3

Люди не верят в демонов. Возможно, зря, потому что демоны верят в них. Эти истории рассказывают человеку, мир которого разрушается у него на глазах. Здесь, в странном отеле посередине леса, отпетый неудачник получает ключ к покорению мира, еще не подозревая, в какую игру ввязывается. Самый обычный визит пациента к психотерапевту оборачивается причудливой притчей о борьбе света и тьмы, где все не то, чем кажется. Простые, но такие реальные ужасы повседневности встречаются с мифом об оборотне. Здесь кошмар маскируется под обыденность, пока не покажет свое злое лицо во всей красе, а черные бабочки возвещают о смерти, только не сразу понятно, кого они пришли забрать на тот свет. Это повести о том, как сверхъестественное сталкивается с реальностью, они демонстрируют творчество Ярослава Гжендовича с непривычной стороны, лирической, но совершенно безжалостной.

УДК 821.162.1

ББК 84 (4Пол)

ISBN 978-5-17-116596-3

© Гжендович Я., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Клуб абсолютной кредитной карточки	11
Рассказ психотерапевта	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ярослав Гжендович

Книга осенних демонов

Jarosław J. Grzędowicz
KSIĘGA JESIENNYCH DEMONÓW

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Валентина Филатова*

Copyright © 2003 by Jarosław J. Grzędowicz
© Валентина Филатова, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

*Снова вижу я солнца закат
Снова этой кончине я рад
Повезло им чуть меньше – бывшим без счета
Скольким – подсчет не моя работа
Каждый день свою мзду собираю
Каждый день их пути предел
Иметь или быть – ответ выбирай
Тем, чем хочешь, владей.*

По ком звонит колокол. Казик Сташевский и Культ

Он вошел в магазин с магией главным образом потому, что шел дождь. А еще потому, что за последние сорок восемь часов он потерял девушку, работу, лучшего друга, закрыли его любимый паб и единственный киоск вблизи дома, где он мог купить талоны, у него украли машину, перестали выпускать любимые сигареты, по непонятным причинам отключили кабельную связь, а сестра бабушки решила оспорить ее последнюю волю и лишить его крыши над головой.

Не обязательно и не факт, что в такой последовательности. И теперь он стоял, дрожа от холода в промокшем плаще, в каком-то забытом богом дворе, с выходным пособием, сунутым в портмоне, и тупо смотрел на амулеты, шары, волшебные палочки и благовония в витрине.

Бывают такие дни. Временами в том месте, которое являет собой основу топографии чьего-то личного мира, вдруг появляется вывеска с надписью: «Ликвидация». На карте появляется белое пятно. И время от времени происходит что-то подобное. Какая-то точка исчезает, и появляются другие. Находишь другие магазины, пабы, знакомишься с новыми женщинами и новыми друзьями.

Чаще всего полная ясность наступает так: встаешь утром, брешься, выходишь из дому и видишь, как все, что имело для тебя значение, вдруг исчезает, рушится, оказывается в состоянии ликвидации, взрывается и не отвечает на звонки. Твоя личная карта жизни покрылась белыми пятнами и, по сути, перестала быть картой.

У Яцека Вулецкого было такое впечатление, будто он проснулся в мире, который внезапно откорректировался, удалил из себя все, что могло быть для Яцека приветливым.

Магазин магии был просто завален товаром. Тысячи мелких пестрых безделушек лежали на прилавках, полках, на витринах и этажерках. Они плотно увешивали стены, были сунуты куда попало. Стекланные чаши, полные подвесок и кулонов, полки, заставленные странными книгами, груды полудрагоценных камней, горшочки и еще черт знает что.

В «Трампе», которым до вчерашнего дня управлял Яцек, все должно было быть поделено по разделам, разложено удобно и понятно. Тут царил восточный базар, от которого у Яцека волосы становились дыбом. Каким образом клиент мог тут хоть что-нибудь найти?

Ледяной ноябрьский дождь остался за окнами, лил в унылом дворе между двумя задрипантыми домами, на которых еще были следы от снарядов. Виднелась перекладина для ковров, искривленное древко и ступеньки, которые вели в пристройку маленького магазина, который специализировался на товарах для восточных единоборств, где Яцек совсем недавно пытался найти работу, но безрезультатно.

В беспорядке, царящем внутри, чувствовалось, что здесь определенно ожидали, что клиент станет копаться на полках, в витринах и в ворохе самых странных предметов. Никто не подбегал с навязчивым вопросом: «Вам помочь?» Помочь? Черт побери, во всем! Ему снова

хотелось иметь друзей, квартиру, паб Shiobhan и свою работу! Хотелось иметь свой небольшой магазин со спортивно-туристическими товарами и вести дела с тремя похожими на него ненормальными. Хотелось бы избежать самого ужасного, что уже наступило, – падения на дно. Супермаркета. «Работника отдела товаров для отдыха просим подойти к кассе номер восемьдесят шесть». Хотелось бы, чтобы вернулась Магда. Только не та ужасная Магда последних нескольких месяцев, а прежняя, которая куда-то исчезла.

Ему не хотелось выходить в дождь и холод, в сумерки ноября.

Хозяин, а может работник, сидел в одном из дальних углов помещения, под потолком звучали какие-то странные вибрирующие звуки, словно пьяный тибетец ревел в пустой бочке. Где-то тлели благовония, наполняя помещение тяжелым душным запахом. Яцек посмотрел на доску, увешанную десятками небольших амулетов, вырезанных из латуни. Они обещали финансовое благополучие, счастье, гармонию, душевное равновесие, здоровье, защищали от приступов агрессии, ставили преграду несчастьям. На выбор. Прекрасно. Он обязан купить все.

У дверей висела внушительных размеров пробковая доска, увешанная объявлениями. Уже что-то. Некоторые наводили на мысль об агентствах типа «Лидия и Луиза – гадание круглые сутки». Интересно, есть ли у них визиты на дом? «Духовное оздоровление и снятие проклятий, также на расстоянии». «Теодорус – энергетическое оздоровление». Яцек недоверчиво покачал головой. Одно из объявлений действительно впечатляло – «Городской шаман защищает от демонов, отведет проклятия, уберет препятствия, поможет найти дорогу». Интересно, сколько берет такой шаман?

Сумасшедший тибетец на диске вопил по-прежнему, немногочисленные клиенты, бродившие до сих пор в соседних помещениях, похоже, торговались. Зазвенел кассовый аппарат. Девушка с короткими темными волосами, в очках с роговой оправой и узкими стеклами прошла мимо, прижимая к себе упакованный в черную ткань сверток. Она несла его как-то украдкой, словно не хотела, чтобы кто-то увидел ее покупку. Понятно, что Яцек обратил на него внимание, но товар не рассмотрел. Он заметил только, как темные капли падают из пакета на каменный пол. Он уже открыл рот, но барышня спешно вышла, и колокольчик у двери разразился металлическими трелями.

Другой посетитель вышел сразу же за ней, неся запечатанный серый конверт с красными печатями какого-то ведомства, свечу зажигания и часы, на которых стрелки быстро двигались в обратном направлении. Следующий клиент заплатил, опять зазвенел кассовый аппарат, покупатель протянул хозяину пакет, завернутый в помятую коричневую бумагу, и вышел. Без товара, но расплатился. Приобрел позитивные вибрации? Тибетский воздух?

Яцек так и остался стоять, открыв рот и убеждаясь, что мир вообще в последнее время стал какой-то странный. Может, эти покупатели ничего здесь и не купили, а эти странные предметы были у них и прежде. А может, впрочем, так выглядят эзотерические покупки. Откуда ему знать? Он никогда не был в подобном месте.

Он положил полудрагоценный камень назад в вазу и понял, что остался в магазине совсем один, сейчас его уже ничего не спасет от «Чем могу вам помочь?» И он вынужден будет промямлить: «Я только посмотреть», а потом выйти в дождь, темень и хаос.

Ему очень этого не хотелось. Ничего хорошего там, на улице, его не ожидало.

За окнами по-прежнему лил дождь и не было никаких признаков того, что он намерен прекратиться, во всяком случае до мая следующего года. А в темном проеме ворот, ведущих на улицу, стояла стройная темноволосая девушка в красном, блестящем от дождя дождевике. Он узнал ее. Видел уже несколько дней. То тут, то там. Случайно. Первый раз, когда смотрел на уходящую Магду. Уходящую к его лучшему другу. Магда сердито ступала большими шагами, похоже, по-прежнему произносила какие-то гневные тирады. Он смотрел на нее со странным

чувством облегчения и пытался угадать, не обернется ли она, не посмотрит ли на него. Но она не обернулась. Ему казалось, что на лестничной клетке все еще слышен звук разъяренного удара дверью, который навсегда отделил их друг от друга. И тогда он увидел ту невероятно красивую девушку, шедшую по улице в противоположную сторону.

В следующий раз он увидел ее сегодня утром, когда пошел на работу. На двери «Трампа» висела непонятная табличка: «Переучет. Ликвидация», которую он читал десять раз, убежденный, что это какая-то шутка.

– Извини. – Павел только беспомощно развел руками. – Я сэкономил на отправке уведомления по почте. Я напишу тебе рекомендацию. Могу сделать для тебя только это.

А когда Яцек уже отработал все эти беспомощные «Почему?», «Как ты мог после шести лет закрыть вот так вдруг?», «Почему я ни о чем не знал?» и так далее, а потом вышел на улицу уже безработным, все та же прекрасная девушка, которую невозможно забыть, ждала на трамвайной остановке.

А сейчас она стояла в подворотне и смотрела на него из-под густых черных волос. Она следила за ним? А может, просто подойти и спросить, в чем дело?

Хозяин магазина прошел с другой стороны витрины с кристаллами, полудрагоценными камнями, соляными лампами и масками.

Он закрыл входную дверь на засов, выглянул в окно, словно смотрел на девушку, по-прежнему стоящую в подворотне, и опустил бамбуковые жалюзи. Потом повернул вывеску так, чтобы было видно: «Закрыто». Яцек наблюдал за его действиями с широко открытыми глазами и, казалось, открыв рот.

Продавец повернулся в его сторону. Он был смертельно бледный, словно припудренный мукой. Длинные, завязанные сзади волосы – белые. Тонкие ладони, торчащие из рукавов черного гольфа, также белые, как воск.

Только глаза красные, словно налитые кровью.

Яцек в отчаянии поискал глазами на прилавке какое-нибудь оружие на случай, если бы оказалось, что именно сегодня хозяин магазина с эзотерическими штуками сошел с ума и решил прикончить последнего посетителя. Вот уже несколько дней Яцек перестал задаваться вопросами типа: «Почему же это все случается именно со мной?» Он уже успел заметить, что в последнее время общество к нему не благоволит.

Подумав, сжал в руке мраморное яйцо.

– Оставь эти дешевые талисманы, парень, – произнес продавец. – Тебе нужна настоящая помощь. Ты потерял дорогу, да? Все рушится без видимых причин? Ты носишь пальто, в руках у тебя дипломат. Ты серьезный человек. Никаких благовоний, гороскопов, кристаллов. Ты крепко стоишь на земле, но все же пришел сюда. Ты рассматривал визитные карточки, потом талисманы. Море гаджетов, которыми можно украсить жилище или кому-нибудь подарить. Небо рушится, да?

– И что? Ты продашь мне особый товар? Такой, который на самом деле сработает? – с издевкой произнес Яцек.

– Я не держу дверь закрытой, – терпеливо заявил продавец. – Ты можешь ее открыть и идти себе. Хотя, похоже, особо и не знаешь, куда идти. Ты потерял свою дорогу, дружок. – Он указал на доску с объявлениями. – Городской шаман. Это моя визитка. Если ты знаешь, что тебе делать, иди. Если не знаешь, сделай то, что во все времена делали в таких случаях – сядь и спроси у шамана. Я буду в подсобке. За кассой направо.

И он исчез в глубине магазина. Яцек положил мокрое от пота мраморное яйцо назад в вазу и направился к двери.

Он решил вернуться домой и посмотреть... нет. Позвонить... нет. Выспаться.

Один.

Завтра он мог бы обойти еще несколько спортивных магазинов в городе, может, других из похожей области, а потом – «Работника отдела товаров для отдыха...»

Колокольчик у двери пропел случайную грустную мелодию.

Комната за дверью в подсобку выглядела не так, как можно было предполагать. Никаких магических гаджетов, благовоний, вышитых подушек. Почти пустая, обставленная суперсовременно и аскетично, она наводила на мысль о кабинете дантиста или о модном клубе. Блестящий металл, стекло.

Продавец сидел в странном кресле у стеклянного столика, свет металлической лампы был приглушен. С другой стороны стояло такое же кресло. Мужчина поднес ко рту вычурную стеклянную трубку. Цилиндр с носиком, в котором клубился тяжелый, как туман, белый дым.

– Люди часто говорят, что город – это джунгли, – произнес городской шаман. – Но они ничего в этом не понимают. В джунглях есть не только то, что видимо, но и существа, живущие на других уровнях действительности. В определенном смысле сами люди дают им жизнь. От нас зависит то, попадем ли мы из лука в зверя, но не то, найдем ли мы его тропу. Есть вещи, которые приходят из высшего мира, и такие, которые приходят из низшего. Болезни, невезение, курсы валют. Так было, есть и будет. И не имеет значения, находишься ты в шалаше, в пещере или в апартаментах. Джунгли всегда там, где есть люди. Они несут их в себе. Вместе с Древом Жизни, духами предков и демонами. Ты не замечаешь этого, потому что похож на человека, ходящего по торговому центру. Ты смотришь на магазинчики, товары на полках, рестораны и предполагаешь, к примеру, о существовании кухни, складов, но понятия не имеешь, что там – целые этажи и лабиринты помещений, в которые тебе нет входа.

Яцек сел в противоположное кресло и налил себе минеральной воды из изящного кувшина. Обыкновенная болтовня ненормального. А на что еще он надеялся?

– Предположим, что чьи-то отношения распались, – продолжал шаман. – Мы можем найти какие-то причины. Психологические, экономические, разные. Но на самом деле часто неизвестно, почему что-то такое произошло. Почему вдруг закрыли магазин. Почему кто-то никак не может заработать денег или почему ступает на пешеходный переход как раз в ту секунду, когда по нему проедет пьяный водитель. Издавна знали – кто-то обидел богов, предков, обратил на себя внимание демонов. Теперь мы говорим: «случай», закрываем глаза и закрываем уши.

Яцек встал и прошелся по комнате. Он чувствовал себя уставшим, ему было смешно. Нужно идти домой. На стеклянных полках лежала коллекция случайных предметов. Меняющая цвет голограмма кредитной карточки, латунная пепельница, украшенная хамелеоном, самурайский меч, мягкий серебряный браслет, похожий на блестящую сороконожку, засушенная, нанизанная на булавку темная бабочка с крыльями, черными как сажа.

– У меня нет бабок, – произнес он уставшим голосом. – К чему эта комедия? Я и так тебе не заплачу.

– Это будет зависеть от тебя. Если я тебе помогу, ты сам решишь, платить ли мне и сколько. Но сначала я должен тебя просветить.

– Что?

– Вынь все, что у тебя в карманах, и высыпь в вазу. Также вынь все, что у тебя в портмоне за исключением денег. Все. Визитки, зажигалку, талоны, шнурок.

Яцек выдержал долгий взгляд ужасных черных глаз, после чего пожал плечами.

Подобное удивление появляется в аэропорту у магнитной арки. Один карман, другой, третий. Кто бы мог подумать, что там столько мелочей! Кредитные карты, билет в кино, ключи, сигареты, зажигалка, документы, визитки, какие-то карточки с загадочными номерами телефонов – целая куча.

Мужчина где-то раздобыл пульт, и комнату залила музыка. Никаких трансовых мелодий, никаких индийских бубнов. Ударные, гитары, The Clash. Guns of Brixton. Потом надел солнечные очки – элегантные полароиды. Страшные кровавые глаза исчезли.

Продавец встряхнул емкость и стал присматриваться к ее содержимому, пыхтя своей булькающей трубкой. Яцек, потерявший чувство реальности, глядел на него, будто на врача, рассматривающего рентгеновский снимок.

Шли минуты. Шаман что-то бормотал себе под нос, трудно было сказать, напевал ли в такт музыкантам или бурчал себе под нос.

Закончились три композиции, после чего он вдруг снял очки и отодвинул вазу.

– Забери это, – произнес он. – Я говорил, что ты потерял дорогу, парень. Сейчас ты ничего не найдешь, ничего не сделаешь, ничего не уладишь. Магда не вернется. Тетя заберет у тебя квартиру. Выходное пособие получишь такое, что тебе захочется плакать. Ты закончишь в супермаркете. Что-то планомерно уничтожает твою жизнь. Что-то из того мира обратило на тебя внимание. Иногда несчастья приходят к нам действительно случайно. Как рикошет. Это как случайные жертвы на войне. Палец на спуске держим на секунду дольше, ошибка машины, поломка зажигания. Но здесь не тот случай. Ты притянул сущность, которая не спускает с тебя глаз. Это ураганный огонь. Твое дело – дрянь, парень.

Яцек почувствовал, что ему становится жарко, а потом по спине и темени миллионами маленьких ножек побежали мурашки. У него перехватило дыхание. Вдруг стало грохотать сердце. А в голове раздался панический хор пытающихся навести порядок голосов, словно команда офицеров на захваченном корабле. Спокойствие! Это стечение обстоятельств! Гребанный обманщик!

– Прежде всего ты должен понять и поверить, – заявил шаман. – Возьми несколько предметов с той полки. У нас три типа клиентов. Обычные приходят что-то купить, какую-нибудь несущественную мелочь, в действие которой не верят сами, игрушку, безделушку. Те же, кто приходит купить что-то, что им необходимо, знают, что делают. Иногда покупают здоровье, иногда удачу, иногда чью-то смерть. Это настоящие клиенты. Есть еще и такие, которые платят мне за то, чтобы что-то оставить. Как раз вот эти предметы в этой комнате. Обыкновенные предметы, которые, однако, исключительные. Порой суть в том, чтобы они перестали притягивать злые силы, а порой просто чтобы о чем-то забыть. Положи их на стол, а я расскажу тебе о вещах, существование которых ты как раз и испытываешь. Я расскажу тебе о Племени Случая и об Осенних Демонах, тех, которые прячутся в телефонном звонке в два ночи, в хитросплетениях реальности. Я освобождаю от них таких, как ты. А потом кладу на полку трофей и поглощаю очередного демона. Я ловец и книга.

Послушай Книгу Осенних Демонов.

Яцек удобно уселся и решил слушать. Ведь ему некуда было идти.

Клуб абсолютной кредитной карточки

– На этот раз, черт подери, тебя сделали, Земба, – произнес Земба, а потом съехал на обочину автострады и уткнулся лбом в руль. Он сидел так некоторое время, слушая стук непрекращающегося октябрьского дождя о крышу автомобиля и поскрипывание щеток. Изредка проезжающие машины с шумом мчались мимо его измученного «жука» и слегка задевали потоками воздуха кузов, а Земба лежал на руле, раздумывая, почему не может расплакаться. Впервые за долгое время он наконец-то был совершенно один.

До этих пор, несколько месяцев, а может и больше, у него было одно впечатление: если бы он хоть на миг перестал делать вид, что владеет ситуацией, ему бы это помогло. У него постоянно было такое чувство, словно в голове находится перегретый паровой котел. Он улыбался людям, по-деловому реагировал, когда ему объясняли, почему сокращение необходимо и почему оно должно коснуться и его тоже, терпеливо выносил подавленное состояние и страхи Оли, не реагировал на ворчание матери и спокойно смотрел, как стрелка парового котла движется по красному полю шкалы. Еще несколько таких подарков судьбы, как в последнее время, и он взорвется подобно теплоходу на Миссисипи. Где-то там заканчивается людское терпение, а потом просто переходишь границу. По-разному может быть. Может, психушка? Может, начать грабить или стрелять в людей? А может, просто поискать себе кусок веревки и сук?

– Я неудачник, – произнес он в сторону коробки передач. – Я представляю собой неудачный экземпляр. Мусор какой-то или что-то типа того. Человек должен иметь достаточно мозгов, чтобы найти хорошую работу. Он обязан уметь найти квартиру для своей семьи, обязан хотеть иметь детей, обязан получить диплом и спланировать будущее. Он обязан, черт побери, уметь договариваться с собственной женой. Загвоздка в том, что это все не какие-то там чудеса. Это могут все. Ведь речь не о миллионе долларов, не о международной карьере. Мы говорим о том, чтобы нормально держаться.

Он хотел быть нормальным.

Земба по-прежнему не мог расплакаться, и это было странно. Он читал, что это помогает. Женщины, например, способны плакать и, между прочим, поэтому живут дольше. Вот и он должен, хотя бы для здоровья. Но, похоже, явно разучился... Ну да ладно!

Он включил первую передачу и вырулил «жука» на правую, самую спокойную полосу дороги, предназначенную для грузовиков, совсем маленьких машин и неудачников по жизни, путешествующих по стране, как инвалиды. У него не было никакого представления, куда ехать. Земба выбрал гданьскую трассу Е-77, потому что она была хорошая и навевала приятные ассоциации, беззаботные и как-то связанные с каникулами. Он точно никогда не ездил по ней в октябре. Сейчас, в тумане, морозящем дожде и опускающейся, словно грязный занавес, темноте, автострада напоминала дорогу в ад. Деловито переключая передачи, он разогнался до восьмидесяти и гнал вперед, слушая грохот клапанов, который превращал мотор «фольксвагена» в дизель рыбацкого катера. Хорошо бы какую-нибудь музыку, грустный блюз для лузеров, который придал бы его бегству соответствующий антураж. Этого как раз не хватало. К сожалению, магнитофон стоит пять миллионов, как с куста... Об этом нет и речи.

Конечно, везде можно встретить таких типов, которые, покрутив у виска, станут утверждать, что магнитофон можно купить за полтора пузыря вместе с колонками и установкой. Только все это касается исключительно людей подобного сорта. Если бы у Зембы когда-нибудь нашлось столько денег, то он, взвесив все обстоятельства, что, конечно, было маловероятно, все равно не попал бы в нужное место, в нужное время и на нужных людей. И так со всем. Возможно, он мог бы себя уговорить, что у него нет соответствующего настроения, или все в жизни придет, или что жизнь вообще непростая штука, если бы у него не было столько знакомых. Он знал их как облупленных, видел насквозь и прекрасно понимал, что не глупее и не хуже

их, да и старается не меньше. Все они начинали приблизительно одинаково, а сейчас между ними была пропасть. У них тоже были семьи, квартиры, приличные машины, работа, благодаря которой они не только держались на уровне самого необходимого, но и могли позволить себе лишнее, могли отложить. И всего этого достигали, приложив по меньшей мере половину тех усилий, которые прилагал Земба, чтобы устоять на месте. Точно так, как если бы он шел против течения на эскалаторе. Он ничего не понимал. Другие каким-то образом управляли своей жизнью и не сталкивались с теми объективными трудностями, с которыми в самых банальных ситуациях боролся он. Как только он брался за дело, самые простые вещи превращались в непреодолимые проблемы, и в этом на самом деле не было его вины. И дело не в том, что он негативно настроен, что ему недостает веры в собственные силы, и прочих психологических вывертах, о которых пишут в журналах для женщин. Земба изо всех сил думал позитивно, готовился ко всему очень тщательно, а потом его бумаги где-то пропадали, люди, на которых он рассчитывал, отказывали в помощи, в правилах обнаруживались разнообразные заковырки и все складывалось не в его пользу, люди, от которых зависело дело, внезапно испытывали с первого взгляда неприязнь к нему, и так далее. В нем было что-то, отчего все двери перед ним закрывались, даже если для любого другого человека они были распахнуты настежь. И он усвоил, что в его случае все зависит от слепого случая. Понятно, на каком-то этапе важны способности, трудолюбие или творческий порыв, но чтобы до них вообще дошло, нужно было, чтобы все обстоятельства сложились благоприятно. Когда все зарабатывали деньги за границей, каждый, кто хотел туда уехать, должен был сначала иметь паспорт, какие-то деньги на билет и что-нибудь, хотя бы малейшую зацепку на месте. Для визы нужно было иметь приглашение и хоть приблизительно какие-то виды на возможную работу. Ну и у каждого все было, а если нет, существовали дружеские связи. В случае Зембы об этом и речи не шло. Семья делала вид, что не понимает, в чем дело, а друзья меняли тему. Когда кто-то другой нуждался в квартире, у него появлялась какая-нибудь почтенная бабушка, тетушка или дядюшка, которые оказывались такими добрыми, что вовремя включали потомка в завещание и оставляли ему приличную часть. Еще кто-то получал наследство или что-то типа того, и вопрос с жильем решался.

У Зембы был трехкомнатный ад на земле, который он делил с женой, тремя детьми и своими родителями.

Когда другие искали работу, до них всегда доходили слухи о каком-то освободившемся месте, всегда лучше, чем предыдущее, и это прежде, чем они начинали переживать.

А теперь вот он потерял работу. Идиотскую, потому что идиотскую, как всегда. И хуже всего то, что он прекрасно знал, как все сложится дальше. Он дойдет до всех возможных пределов нужды, а потом, после немислимых усилий, получит право на какую-то безнадежно нудную работу за гроши, и все будут делать вид, что сделали ему милость. С него довольно! И в довершение всего он должен нести ответственность за детей. Он, человек, который не в состоянии справиться со своей жизнью, должен воспитывать и содержать еще кого-то.

У Оли, конечно же, будет истерика, она совсем сломается и превратит его жизнь в предбанник ада. Родители обрадуются. Если бы он стал врачом, как они хотели, всего бы этого не было.

С чего бы? Мало того, что ему становилось плохо от одного вида крови, так и память у него была короткая. Он ненавидел даже запах больницы, но принималось в расчет лишь то, что они были врачами. Семейные традиции и весь этот идиотизм.

«Жук» стал как-то нервно дергаться, и Земба понял, что выжал из бедной машины все девяносто километров в час. Погруженный в свои мысли обо всем на свете, он выжал газ до предела. Кошмар!

Он убегал. Он делал именно то, что посоветовал ему Стефан.

Они сидели в его холостяцкой квартире, обставленной с особым вкусом убежденного одиночки. Земба в кожаном кресле со стаканом виски, а Стефан за своим письменным столом. У Стефана всегда был хороший алкоголь, свободное время, благодушное настроение и подруга поблизости.

Он был со всеми необыкновенно любезен.

– Сваливай! – внезапно произнес он, выслушав всю эту историю, и наполнил комнату дымом «Принца Альберта». Земба застыл. – Нет, не отсюда, а вообще. Возьми немного бабок из твоих подъемных, заправь «жука» и вали, куда глаза глядят. На неделю. Во-первых, ты на пределе сил и тебе нужно отдохнуть, потому что ты кончишься. Во-вторых, тебе на самом деле нужно собраться с мыслями, а у тебя для этого в этом колхозе нет никаких шансов. Езжай хоть куда. К морю, в горы. Сезон закончен, комнату снимешь за гроши. Обдумай все, нарисуй какой-нибудь план.

– Оля не пустит меня, – грустно сказал Земба. – Для тебя все так просто, а у меня дети. Я не могу тратить на себя, раз я без работы. Что будет потом?

– Кретин! – рявкнул Стефан. – Ведь ты заработал эти деньги, кретин, а не украл. Я же вижу, ты выглядишь так, что краше в гроб кладут, и мне даже особо смотреть на тебя не хочется. Если Оля не понимает таких простых вещей, то наври ей. Ты же ей еще ничего не говорил, да?

– Нет.

– Так скажи, когда вернешься. Отдохнешь – легче будет все вынести. Вот я как на тебя посмотрю, так не понимаю, зачем люди вообще женятся. Женщина должна поддерживать, а не гнобить.

– Но ты и ее пойми. Почти восемь лет растительного существования без дома, без будущего. Кроме того, когда женщина в роли матери, считается, что это для нее только выживание. Никакого риска и никаких лишних трат. Особенно в такой ситуации.

– Боже, какие глупости! Поезжай! Хоть в лес, что ли. Езжай, пока окончательно не свихнулся.

И он сделал так, как ему посоветовали. Наврал что-то о каких-то курсах, сложил вещи и поехал, сам не зная куда, и чувствовал себя ужасно. Но с каждым километром, проделанным лысеющей резиной «фольксвагена», Земба чувствовал себя все лучше. Вероятно, такое же чувство испытывают моряки, отправляясь в далекие плаванья: житейские проблемы остаются на берегу, а человек приобретает все большую легкость. Хорошо ехать одному без криков детей, наполняющих машину, без недовольного всем на свете молчания Оли, без всего этого кошмара на колесах, в который превращались все совместные выезды. Он чувствовал себя почти так, как если бы был хозяином собственной жизни. Во всяком случае нормальные люди должны себя так чувствовать. Он уже и сам не помнил, как это бывает. Оля в первый раз забеременела, когда они были на втором курсе.

После этого хозяином своей жизни Земба себя не чувствовал.

Он минул мост в Модлине и поехал дальше, словно на севере находилось разрешение его проблем. Немного проехав, прикурил сигарету и заметил, что стрелка уровня топлива близка к нулю. Выхода не было. Денег у него было немного, но если хочешь бежать, то должен иметь бензин. Так гласит первое правило беглеца на автомобиле.

Заправка выглядела шикарно и не соответствовала месту – словно космический корабль на болоте. Пастельного цвета застекленные строения прямо манили зайти внутрь. Земба заправился за двести и решил выпить кофе. В приступе какой-то варварской расточительности еще купил пачку сигарет «Голден» и налил себе кофе из стеклянного кувшина экспресс-машины, стоящей на длинном прилавке из искусственного мрамора. Отказался от бутербродов, колбасы

и пиццы, но уселся в этом скандинавском интерьере за деревянным столиком и закурил сигарету, глядя на дождь, косо бьющий в дорогие панорамные окна.

Он чувствовал, как хорошо ему сидеть здесь, в этой атмосфере иной действительности, пить кофе за шесть злотых, ни с кем не препираться, не вести никаких супружеских бесед, не спешить, потому что кто-то там не может быть с детьми долго, а просто сидеть себе, и все. Он чувствовал себя так хорошо, словно был кем-то другим. Так хорошо, что у него не было даже никакого желания оплакивать свою неудавшуюся жизнь.

За соседний столик напротив Зембы села девушка. У него не нашлось слов для ее описания: брюнетка, очень смуглое лицо почти как у цыганки, черные, миндальной формы глаза, каштановые волосы, собранные в небрежный пушистый узел, торчащие скулы – так можно было сказать о тысяче женщин, даже если добавить, что она была красива. Но нет, она имела средиземноморские черты, но в неповторимом сочетании. Очень оригинальное лицо.

Это уже не для него. Никогда. Земба даже не предполагал, что вид красивой девушки с длинными ногами может показаться ему таким трагичным. Она доставляла ему страдания. Молодой симпатичный тип в кожаной куртке-косухе, о которой он мог только мечтать, сел возле девушки и поставил на стол поднос с гамбургерами. Она улыбнулась и сложила губы для мимолетного поцелуя. Земба надеялся, что они примутся за еду, но, конечно же, они тут же начали ворковать друг с другом. Парень сказал что-то приглушенным голосом, и девушка рассмеялась. Они распространяли вокруг атмосферу такой невозможной идиллии, что просто становилось не по себе.

Временами у Зембы складывалось впечатление, которое могло быть плодом его разыгравшегося воображения, что ему достаточно мельком взглянуть на кого-то, чтобы почувствовать НЕЧТО, может, запах, может, какую-нибудь ауру, позволявшую узнать о человеке почти все. Иногда обгонит его на светофоре какой-нибудь автомобиль, мелькнет за стеклом лицо водителя, а Земба уже знает атмосферу его дома, вкус любимых блюд. Или во всяком случае так ему казалось. Тем не менее чувство было очень приятное.

На этот раз нахлынуло что-то подобное. Достаточно было на них посмотреть, чтобы почувствовать ауру свежих отношений молодых супругов, увидеть уютную атмосферу их однокомнатной квартиры: дерево, тропические растения, лен, кожу и солому.

Он видел, что они оба много работают, что у них нет детей, что каждую свободную минуту они посвящают приятным и модным спортивным занятиям. Горные лыжи, парусный спорт, серфинг. Устраивают ужины при свечах и трахаются, как суслики, – в постели, на ковре, на кухне, в ванной.

Они были такими избалованными удачей детьми, что от зависти прямо пекло в низу живота. Зембе и Оле такого никогда дано не было. Они никогда не жили одни, никогда не имели своей квартиры, а когда женились, первый ребенок был уже на подходе. Вот они были детьми – и тут же стали родителями, сгибающимися под тяжестью обязанностей и необходимостей. Если им хотелось побыть некоторое время наедине, то приходилось все планировать за неделю, словно полярную экспедицию. Слово «спонтанность» исчезло из лексикона, куда-то запропастилось. Молодость осталась для кого-то другого, например для вот этих молодых людей, которые были старше их с Олей на несколько лет, но несмотря на это по-прежнему радовались свободе.

Кофе перестал доставлять удовольствие. Земба тупо уставился в одну точку и закурил, ощущая себя старым и несостоявшимся.

Через какой-то час он понял, что допустил ошибку. Было приятно ехать себе без цели, но где-то нужно остановиться на ночлег. Земба хотел снять место в кемпинге где-нибудь на Мазурах, но быстро темнело, а ночью шансов для этого не оставалось. Все шло к тому, что заночевать придется в машине, а завтра вернуться домой с серьезным гриппом.

Вторую ошибку он допустил, когда где-то за Ваплемом съехал с трассы на восток. Ему хотелось ехать на Мазуры, но, свернув, он таким образом оказался на второстепенных дорогах и надежды найти ночлег приближались к нулю. «Жук» катился по темным дорогам вдоль лесков и придорожных плетней, а Земба всматривался во тьму, которую пронзали фары, пытаясь хоть что-нибудь в ней рассмотреть.

Он нашел две пустые и темные базы отдыха, покинул их под лай тощих псов и прощальные взгляды слегка увядших цветов. И хуже всего, он не имел понятия, где находится. А свернул уже столько раз, что читать атлас было глупо и бессмысленно.

Первое табло располагалось на обочине и выглядело подозрительно прилично. И имело даже собственную подсветку. В стране ржавой проволоочной сетки, трухлявых досок, грязных окон и диких лесов от такого демонстративного образчика лучшего мира дыхание замирало в груди.

Земба притормозил и прочитал надпись: МОТЕЛЬ «САРГАСО» 0,5 км, а под ней обнадёживающее «открыто весь год». Он двинулся вперед, надеясь, что у него достанет денег на ночлег, и поднажал. Теперь, когда было найдено какое-то решение, он внезапно почувствовал давно забытый вкус к приключениям.

Следующие полкилометра он проехал среди выползающей из лесу темноты медленно, внимательно всматриваясь в обочины.

Вывеска колыхалась на двух цепях, стилизованная стрелка указывала на прилегающую дорожку, та стремилась в лес от шоссе и была усыпана щебнем.

«Саргасо». Ему нравилось это название. Подходящее место для потерпевшего кораблекрушение.

Гравийка вела через темный сосновый лес, который стекал дождем, пах хвоей и мокрыми грибами. Земба очень давно не был в лесу и подумал, что если сможет здесь задержаться, то завтра пойдет на прогулку. Конечно же, сразу же нужно будет ехать дальше. И речи не могло быть о том, чтобы остаться в мотеле на несколько дней.

Прожектора осветили блестящие белые ворота, перекрывающие дорогу, и флуоресцентный знак, закрепленный в середине знака «стоп». Ворота были заперты. «Начинаются ступеньки», – подумал Земба. И в этот момент над воротами зажегся галогеновый рефlector, раздался приятный гонг на три тона, а решетка мягко отъехала в сторону, пропадая где-то в кустах. Чудеса.

Мотель навел на мысль о телевизионных программах, о миллиардных аферах или о сериалах из жизни высших слоев общества. Он мог бы напоминать большой притягательный охотничий домик, если бы каждая, даже самая незначительная деталь в нем не была бы такой элегантной и роскошной.

Внутри было светло, тепло и уютно, хоть нарочитая роскошь интерьера кричала у нуворишах. Все обшито деревом, везде кожа, бронза – охотничий стиль за сумасшедшие деньги.

«Это какое-то недоразумение, – подумал испуганный Земба, с одежды которого текло, он чувствовал себя как странствующий попрошайка. – Я посижу в кафе за чашкой чая или, может, смогу подремать в кресле или в гараже. Или, может, все-таки мне уйти».

Огромный жирный персидский кот, декоративно развалившийся на черной жесткой шкуре дикого кабана, поднял на Зембу и его багаж полный презрения взгляд аристократа и вернулся к прерванной дреме.

Всю ширину стойки портье оккупировала группа шумящих счастливых англичан. Пол был заставлен саквояжами и зачехленными охотничьими ружьями. Трое подбивали клинья к девушке-портье, дурачась, словно странствующий цирк Монти Пайтона, двое других тузили друг друга, делая вид, что дерутся.

Пятерка расслабленных на каникулах британцев. Им не мешал неприлично богатый интерьер, они не боялись возвращаться домой, они не были уже много лет загнанными жизнью. Они были так демонстративно нормальны, что становилось нехорошо.

– Я вас слушаю. – Девушка-портье удостоила Зембу взглядом синих глаз.

«Увы, но я женат...»

– Сколько стоит свободная комната?

– Вы один?

«Да, и мне так одиноко...»

– Да, на одну ночь. «Но всю, красotka...»

– Триста пятьдесят с завтраком.

Он заплатил вперед, чувствуя себя так, словно вырывал свое сердце, достал ключ и направился по деревянной лестнице вверх, а какой-то маленький человечек в его голове ругал его грязными словами и желал, чтобы он тотчас же забрал деньги, опомнился и вернулся домой. Дамы и господа! Вот господин Земба, который обычно пять минут выбирает сыр из двух видов сыра, у которого одна пара целых брюк, а билет в кино для него невозможная роскошь. И вот он сейчас заплатил триста пятьдесят злотых за комнату – приветствуем вас! – вы докатились. Интересно, чем сегодня питаются его дети? что у них на ужин? – Мы ждем ваших звонков!

«Я сошел с ума, – подумал Земба со страхом, – наконец-то!» Он открыл дверь, чувствуя, как на него осуждающе смотрят чучела козлов, серн и оленей, и вошел внутрь. Номер был довольно обезличенный, как все номера в гостиницах. Тахта, прикроватная тумбочка, комод с небольшим японским телевизором, поднос со стаканами, деревянная стойка для ружей у шкафа в маленьком коридорчике. Все было сделано кем-то, вдохновленным охотой и конной ездой. Земба был восхищен. Он сам прозябал в тесной, заставленной, полной шума комнате, превращенной в две клетушки противной стенкой.

Он закрыл за собой дверь и положил сумку на пол, снял намокшую куртку, а потом сел на краешке тахты и, слушая шум дождя, равномерно шумящего в сосновом лесу, посмотрел на мансардное окошко в скошенной крыше. Внезапно Земба почувствовал прилив холодной ярости и дикой злости, которая давным-давно кипела где-то в черепной коробке. Он останется здесь.

Послать все!

Послать ответственность и чувство вины.

Он не станет искать никакой ночлег в кемпинге, никакой крыши у хозяйки.

«Остаться здесь на такой срок, на какой хватит денег», – открывая миниатюрный холодильник в коридоре, подумал Земба. То есть максимум на два-три дня, ну и ладно. И без того за неделю он ничего бы не придумал.

– Три дня, – произнес он решительно, ошеломленный умопомрачительно роскошной ванной с блестящими бронзовыми кранами и плиткой черно-золотого цвета. Три дня, а потом он вернется домой, и во всяком случае ему будет о чем вспомнить. Он будет отдыхать, бродить по лесу, смотреть телевизор, сидеть в баре и притворяться кем-то другим. А потом, когда ему будет казаться, что он уже больше не выдержит, будет вспоминать эти три дня из жизни нормального человека.

Он крутил фарфоровые набалдашники бронзовых кранов и, слушая уютный плеск льющейся в ванну воды, снял куртку и повесил ее в коридоре. Потом расстегнул сумку и разложил скромные пожитки на полках в шкафу – осваивался.

Почти полчаса он провел в горячей воде, рассматривая белый потолок и наслаждаясь тишиной. Никто не визжал, никто не ругался, и никто не рвался в двери. Он мог бы лежать так целый день, спрятавшись от всего мира, вне доступа сотовых телефонов, претензий, оскорблений и обязательств, которые невозможно выполнить.

Он не успел еще полностью отдохнуть, но что-то из наполняющей комнату тишины, немного сонного дождливого спокойствия осеннего вечера проникло в больной мозг. Когда он вышел из ванной и оделся, ему хотелось передвигаться плавно и медленно, говорить шепотом, а лучше всего молчать. До этого его разрывала потребность орать до хрипоты или броситься в панике, бежать куда глаза глядят. Теперь он чувствовал себя так, словно в его мозгу кто-то поменял фильтры на новые и чистые.

Он надел свежую рубашку, выкурил сигарету и решил пойти на ужин. Ему удалось войти в роль и на какое-то время стать кем-то другим, более удачливым человеком, потому он не убежал, увидев белые скатерти, подсвечники и спящих, как призраки, официантов в охотничьих камзолах. За столиками было не больше пятнадцати человек. Англичане валяли дурака и ржали как кони, но теперь он почувствовал к ним легкую симпатию. Он нашел себе укромный столик у стены, специально разложил салфетку, нарушая отутюженное цветистое origami, и открыл меню. Нужно сказать, что цены здесь для Зембы были поднебесные, и он, несмотря на свое новое воплощение, на минуту потерялся. Какое-то время бессмысленно водил взором по ценнику, панически ища что-нибудь состоящее из двух цифр, пересчитывал старые деньги на новые и наоборот, всякий раз ошибаясь, наконец-то нашел среди закусок какие-то колбаски «Дар лесов» и заказал их, добавив к ним еще чай. Вопреки самым страшным опасениям, официант вовсе не задирал нос и не давал ничего понять, наоборот, вел себя по-дружески, как терапевт, и целых пять минут рассказывал Зембе о здешнем деревенском хлебе, который выпекается на листьях хрена, к которому у иностранцев возникает зависимость, как от кокаина, и что, уезжая, они скупают его целыми буханками.

Колбаски, похоже, были из дикого кабана и приготовленные на углях, само собой, вкусные. Он их съел, но по-прежнему был голоден, еще купил маленькую бутылку колы по цене двухлитровой бутылки, и пятьдесят граммов водки, тем самым закрывая сегодняшний бюджет.

Дьявольски сладкая кола помогла обмануть голод, и он сидел, покуривая сигареты, потягивая гомеопатическими дозами водку и наблюдая за другими посетителями. Ему было интересно, в чем он был хуже их.

Англичане – ясное дело. Они родились в более подходящем месте, и за них все сделала история. За достойную зарплату они делали свое дело, а пренебрежение к своей стране не было у них в моде.

За соседним столиком сидели трое мужчин в галстуках и охотничьих сюртуках. Они отличались той особенной элегантностью, которая велит и в лес идти в лаковых туфлях, и к спортивным брюкам надевать белую сорочку. Они разговаривали по-русски и поднимали тосты.

«Если начнут петь что-то грустное и плакать, значит, кого-то закопали в лесу, – подумал Земба. – Такой уж национальный характер. Но во всяком случае понятно, откуда у них бабки».

Вблизи камина, в другой части зала, за длинным столом громко пировало шумное смешанное общество, состоящее из нескольких человек, принадлежащих к поколению молодых бизнесменов. Никому из них еще не исполнилось сорока, на одних были утепленные куртки в черно-красную клетку, на других – военные куртки американских дембелей, все новенькое и дорогое. По-видимому, они вернулись с охоты, ружья и винтовки поставили вокруг камина, но на столе лежали сотовые телефоны и бумаги в папках-файлах. Мажоры. Интересно, хоть кто-нибудь из них умеет стрелять?

Земба посидел еще немного, но кола кончилась и нужно было идти. Впрочем, ничего страшного. Комната у него была – мечта, он может смотреть телевизор, или слушать звук дождя, или спать до отвала, и никто ничего не станет от него требовать.

Записная книжка лежала на прикроватной тумбочке рядом с пепельницей и телефоном. У Зембы не было никаких сомнений в том, что это не его вещи. Очевидно. У него не было

записной книжки в мягкой черной кожаной обложке и никогда не будет. Он неосознанно поднял предмет, и оказалось, это не записная книжка, а просто книжечка. Напечатанная на тонкой папиросной бумаге круглым ярким, но очень мелким шрифтом. Молитвенник? Собственность отеля? Может, ее оставил предыдущий жилец? Бессмыслица!

Он глянул на первую страничку и в одну секунду перестал понимать, что происходит. Словно удар по голове. Словно ты внезапно из света вошел в тень. **СОБСТВЕННОСТЬ ГОСПОДИНА АРТУРА ЗЕМБЫ.**

Напечатано. Таким же шрифтом, которым и вся книжечка. Не как-то небрежно рукой, не впечатано потом. Надпись появилась в тот момент, когда издали книгу. Он медленно отложил ее и снял телефонную трубку. Двигался словно во сне или при высокой температуре. Он не думал. В мозгу стояла глухая, ватная тишина. Просто ноль.

– Я звоню из комнаты тридцать восемь. Была ли мне какая-нибудь посылка?

– Сейчас, тридцать восемь... нет, мне жаль, но не было никакой корреспонденции. Если что-то будет, я позвоню. Или портье вам при случае сообщат. Мы стараемся не беспокоить отдыхающих гостей.

– Есть ли у вас какие-нибудь рекламные брошюры, я бы хотел порекомендовать вас знакомым?

– Это очень мило с вашей стороны, брошюрки в фойе.

– Спасибо, – ответил Земба механически и повесил трубку. Потянулся за книгой, но боялся ее открыть. Тоже для рекламы? Ты выиграл одну из наград, среди которых или пять миллионов, или гипсовые гномы, тебе только нужно купить набор кастрюль по цене автомобиля. А может, это шутка? Не нужно себя обманывать. Ему не было никаких посылок. Кто-то выследил его в лесной глуши, в мотеле, где он случайно остановился. Кто-то выследил его и чего-то хочет.

Абсолютно спокойно он предположил, что происходит что-то невероятное. Просто происходит.

Он открыл книжицу.

Это никакая не шутка, дружище, никакая не лотерея и не рекламная брошюрка. Тебе не нужно ничего опасаться. Мы никакая не мафия, не службы и не секта. Мы знаем, что тебе нужна помощь и хотим тебе помочь. Безо всяких условий и безо всякой платы.

– Будто бы, – хмуро произнес Земба. – Нет ничего за так, кроме приманки. Это-то я как раз хорошо усвоил.

Конечно, нет ничего за так, но в твоём случае ты уже за все заплатил. На этот раз ты ничего не покупаешь, а получаешь то, что тебе не выплатили. Разве у тебя никогда не было впечатления, что в твоей жизни не все в порядке?

– Все это разговоры, – ответил Земба. Он почувствовал, что внутри рождается дикий истерический смешок. Становилось все более странно. Он начинал ощущать, как по голове и по спине бегут мурашки.

Ты тысячу раз искал ответа, задавал риторические вопросы, искал причины в себе и во мне. Ты молился и страдал. Ты работал и старался, но тебе всегда попадался значительно более твердый материал, чем другим. Они лепили свою жизнь из глины, а ты из гранита. Но голыми руками нельзя работать по граниту. Мы хотим дать тебе долото.

– Твою мать, – прошептал Земба и с трудом сглотнул слюну. – Что здесь происходит?! Что это, сука, такое?

Это помощь тебе. Ты пытаешься играть мелким в колоде, потому что тебе такая карта выпала, а мы хотим это изменить. Мы хотим, чтобы с этого момента у тебя в руках были тузы.

Земба швырнул книжицу на тахту и встал. Когда он закурил сигарету, у него тряслись руки, тряслись, когда он смял ее, сунул в карман и стал ходить по комнате. Его несло. Окно, шумящий ливнем лес, тумбочка с телефоном и лампа. И эта проклятая книженция. Он ходил по комнате. Окно, тумбочка. Картина на стене: туман, заросли камышей, стая уток на сером небе, рыжие гончие, двое неизвестных в желто-коричневых камуфляжных куртках. Ружья.

Боже! Эта книга разговаривала с ним! На самом деле! Он что-то себе думал, а там были все ответы. Он ходил. Окно, постель. Провел пальцами по волосам, с треском хрустнул пальцами. Он ходил. Чувствовал на спине и на голове ледяной озноб. Волосы на затылке встали. Я сошел с ума. Он мог бы ходить так всю ночь. Господи!

Но где-то в глубине души понемногу начала теплиться надежда. Робкая, но живучая как кошка надежда всех потерянных, которая велит встать утром и принять очередной удар, которая шепчет тихонько, что на сей раз будет по-другому, что когда-нибудь все изменится, которая толкает в лапы очередного несчастья, которая прибавляет нулей всем пройдохам. Она говорит тебе: вот оно! Получилось, лови момент! И они покупают фальшивые акции, везучесть в лотерее, медные колечки. Потому что нет никаких счастливых моментов, ничего никогда не изменится, за твоим окном никогда не взойдет солнце. Потому что ты – лузер. Выигрывают или всегда, или никогда.

Он сел и открыл книжку. Нет спасения от надежды. Она распространяется как пожар.

Но так вообще не должно быть. Кто-то скажет тебе, что все приходит в равновесие, но это неправда. Врут. Должно прийти в равновесие, но на самом деле все не так. Тебе скажут, что ты одно теряешь, но находишь другое. По их мнению, то, что у тебя есть дети, компенсируется тем, что тебе нечем их накормить. В действительности ты являешься опровержением равновесия. Ты аномалия. Ты можешь нам верить, и это важно. Ты – отрицание статистики и ходячая жертва хаоса. Мы хотим вернуть равновесие и поэтому протягиваем тебе руку. Конечно, ты не единственный такой пример. Ты только маленький шагок по дороге к гармонии, но каждый шаг одинаково важен. Ни один нельзя отринуть. Речь не только о твоём счастье, которого ты лишен. Твой пример не выведет мир из равновесия, он суммируется с другими, и от общего итога люди умирают. Мир – это сообщающиеся сосуды, а войны, фанатизм, сумасшествие, убийства, наводнения и засухи – обличье того же хаоса, который владеет твоей жизнью. Потому не бойся и возмись за протянутую руку.

– Хорошо, но что мне нужно делать? – сдавленно произнес Земба. До сих пор он считал себя лишь маленьким несчастным человечком, а тут оказалось, что он – ходячий апокалипсис.

Твой случай, к счастью, очень простой. Если рассмотреть технически, ты просто заблокирован. Ты не можешь вырваться из этого маразма, отвоевать для себя удовлетворительное существование, поскольку всегда у тебя на пути появляются обстоятельства, которые обеспечивают тебе неудачу. Это очень сильная аномалия, но ее просто победить. Достаточно иметь только один фактор, и стена, которая давит тебя, рухнет. Нужно, чтобы у тебя были деньги.

– Вот так новость!

Пока ты сам не можешь их получить. Именно в этом весь фокус. Ты не можешь ни заработать их, ни украсть. Ты не получишь ничего, что имело бы хоть какую-нибудь ценность. Чем сильнее ты будешь стараться, тем более сильное сопротивление встретишь. С тобой будут случаться вещи, граничащие с чудом, впрочем, ты знаешь немало подтверждений этому. Ты все прекрасно понимаешь, ты же эксперт в вопросах неблагоприятного стечения обстоятельств. Хаос бережлив. Твоя аномалия сосредоточена на деньгах, поскольку этого вполне достаточно. Можно возвысить человека и опустить его исключительно с помощью денег. Можно разрушать семьи, мучить или убивать детей исключительно при помощи денежных потоков. Можно нарушать равновесие и вызывать хаос. Поэтому мы должны дать тебе в руки оружие. Мы даем тебе то, с помощью чего ты никогда не будешь иметь материальных проблем. Когда ты прочтешь эту инструкцию до конца, на обложке в кармашке найдешь Абсолютную Кредитную Карту. Она не является карточкой какого-то банка. Это универсальный денежный эквивалент. Он мог бы выглядеть иначе, но эта форма самая оптимальная в употреблении.

У него даже не было силы смеяться. Он пощупал книжицу и осмотрел обложку, но ничего не нашел. Ничего себе.

Карта только твоя. Ее невозможно у тебя украсть, ты не можешь ее потерять, она не может пропасть. Если по какой-то причине ты не сможешь ее найти, на следующий день она появится в твоей руке. Сфера ее действия ничем не ограничена. В какой бы точке мира ты ни оказался, там, где люди продают и покупают, Карта будет работать, достаточно ее предъявить как платежное средство, достаточно показать ее при оплате. Если в том месте принимают хоть какие-то кредитные карты, все будут вести себя так, словно ты уже воспользовался такой картой. Если нет, на нее посмотрят и вернут тебе – купленный товар будет принадлежать тебе.

– Издевательство! – воскликнул ошеломленный Земба. – Ведь это настоящий грабеж!

Это не грабеж, поскольку продавец отдает тебе товар добровольно и только на такую сумму, которую может себе позволить. Рисунок на карте показывает, что он отдает тебе товар по тому же принципу, как если бы сам взял его себе домой, подарил кому-нибудь или потратился на рекламу. Размер счета является ограничением, поскольку с помощью Карты ты не можешь никого обанкротить или привести к финансовым проблемам. Лучше всего Карта будет работать в по-настоящему больших фирмах. Ее действие растет в служебной иерархии, даже по отношению к тем, кто ее даже не видел. Несмотря на это, глядя на твой счет, все без малейших сомнений воспримут его так же, как счет чьей-то командировки, представительские расходы или что-то в этом духе.

Если продавец не будет в состоянии заплатить за свои услуги или за свой товар, он просто-напросто тебе вежливо откажет. Не произойдет никакого скандала, никакого недоразумения. Но исключительно в такой ситуации, когда ты действительно не можешь себе позволить того, что покупаешь. Карта высвобождает в людях альтруизм по отношению к собственной личности, независимо от личного скупердяйства или бережливости.

– О боже! Я сошел с ума! – простонал вдруг осененный Земба. – Правда-правда, я сошел с ума, это помешательство. Вот потому мне кажется, что книжка со мной разговаривает. Я чокнутый.

Он встал и снова начал ходить по комнате. Несмотря на то, что все это он произнес вслух, поверить сказанному не удалось. Это было бы слишком просто. Все, что он видел за окном, было слишком реальным. И его сомнения, и шум дождя за окном, и мокрые джинсы на теле, и запах комнаты. Но он чувствовал, что не сошел с ума. Во всяком случае еще не сошел. Он

вышагивал по полу, а надежда тем временем бралась за него не на шутку. Он чувствовал постепенно нарастающее, отодвигающее страх возбуждение. Чувствовал, что протяни руку – и в ней окажется ключ в иной мир. Такой, в котором Земба станет совершенно другим человеком. Он мог притянуть эти изменения, сделать так, чтобы жизнь перестала течь по проторенному пути. Одновременно вероятность поражала его – магическая карта, заменяющая деньги? Какая-то таинственная книжица, письмо от людей, которые хотят вернуть миру равновесие? И что это все действительно так легко? Разве на самом деле достаточно немного бабок, чтобы улучшить его семейные отношения, успокоить пошатнувшуюся психику, дать ему возможность отыскать собственное достоинство, согласиться с тем, что он уже навсегда стал отцом?

Подумав, он пришел к выводу, что это действительно так. Все его проблемы возникали из-за нехватки денег и заключались в них. Такая карта на самом деле сделала бы его независимым от капризов судьбы и привела бы к тому, что из его жизни исчез бы страх. Конечно, при условии, что это не какой-то невероятный розыгрыш. В конце концов его сомнения можно было предугадать, ведь гадалки как-то это делают. Такая карта... Но пока не было никакой карты. Написано «после прочтения инструкции», а он еще не прочел... Ну и черт с ним!

«Заплатишь, – прошептал ворчливый маленький старик в его голове. – Ничего не бывает за так. Заплатишь, да еще с процентами».

Страшное подозрение родилось там, где обитал страх – где-то под солнечным сплетением, – и потекло вверх. Оно было таким абсурдом, что на какой-то миг он старался его не допустить в сознание, но было уже поздно. Он знал.

– Дьявол, – произнес он дрожащим голосом в сторону книжицы. И это вовсе не показалось ему смешным. И не было никакой метафорой. Обычный, самый настоящий, блин, дьявол из смердящей бездны ада вытянул лапы по его душу. Дрожащими руками он взял инструкцию. В первый момент ему хотелось швырнуть ее в окно, но он раскрыл ее. Он должен знать, что будет дальше. Дьявол – это могло бы многое объяснить. Появление книжки, ее невероятные возможности, карта – ведь это все действительно искушение. Что он должен был сделать? Как назло в объятый паникой мозг пришли только «Мастер и Маргарита» Булгакова и Мартин Кабата из «Игр с дьяволом». Он не мог вспомнить ни одной молитвы.

– Изыди, сатана, – пробормотал дрожащим голосом, чувствуя себя при этом дураком. Начертил над книжкой дрожащий знак креста и заглянул вовнутрь.

Очень важный момент. Он должен настать. Твои сомнения более чем понятны, поэтому нужно ясно сказать: это не имеет ничего общего с адом и ни с какими другими темными силами. Нам не нужна твоя душа.

Подумай: мы хотим уменьшить воздействие хаоса, а не усилить. Мы хотим сохранить твою душу. Если ты останешься в таком состоянии, то сколько времени пройдет, прежде чем дойдешь до края? Убежишь, бросишь жену и детей на произвол судьбы? Совершишь самоубийство? Начнешь воровать или сопьешься? И еще: ты можешь взять карту или отказаться от нее – все зависит исключительно от тебя. Мы ничего не требуем взамен.

Проясним еще одно: в данный момент ты не разговариваешь и с Богом. Религиозные категории не помогут тебе понять ситуацию. Ее нужно понять исключительно как попытку вернуть равновесие. На самом деле сейчас ты ни с кем не разговариваешь, ты просто читаешь инструкцию Абсолютной Кредитной Карты. Не пытайся понять, просто прими к сведению. А сейчас, пожалуйста, прочти с нами краткую молитву.

На следующей странице находилось хорошо напечатанное изображение какой-то классической иконы, а рядом несколько молитв. Он прочел их вслух с такой кашей в голове, что уже и сам не знал, это ответ на его сомнения или нет. Самым очевидным образом он имел дело с какой-то иной силой, не имеющей ничего общего с религией. Может ли дьявол печатать

молитвы? Подает ли Бог избранным кредитные карты? Может, позвонить в курию? Он закурил сигарету и стал читать дальше, несмотря на то что ему было немного не по себе. Наверное, из-за нервов.

Дальнейший текст был абсолютно идентичен инструкции, присланной из банка. Незвестный автор разъяснял, как пользоваться картой, как покупать, как снимать наличные и откуда они берутся. Все было продумано так, чтобы подключить Зембу к гигантскому денежному потоку, к средствам на развитие, продвижение товара, на рекламу, налоговые льготы и другие волшебные строчки бухгалтерии. Он должен был питаться со стола сильных мира сего, а не обижать мелких сошек. Все это походило на работу какого-то космического Робин Гуда.

Наконец-то напряжение уступило место возбуждению, и у Зембы внезапно случился приступ истерического смеха. Все напряжение последних лет и часов моментально спало, и он валялся на ковре, корчась от смеха, хохотал, визжал, выл и ржал так, что даже слегка брызнул в штаны, и лежал без сил, как рыба на берегу, в мокром белье, с болью в диафрагме и в челюстях, хватая ртом воздух и время от времени слабо повизгивая.

Он встал с ковра, вытер мокрые от слез глаза, поменял белье, потом ополоснул лицо холодной водой и залпом выпил бутылку минеральной воды из холодильника.

После приступа смеха Земба почувствовал, что дошел до возможного предела, просто совсем перестал нервничать, существовать и задумываться. Включились защитные системы. Человек всегда задумывается над тем, что будет с мозгом, когда он столкнется с чем-то превышающим границы его возможностей. Но ничего не происходит, просто случается так, словно кто-то выключил реостат. Щелк – и звук падает до приемлемого уровня.

Шлюзы закрылись, и теперь он просто испытывал легкое волнение. Он закурил еще одну сигарету, вновь взял инструкцию. Читал ее как сумасшедший, несмотря на то что в глаза словно насыпали песок. У него даже ладони перестали дрожать. Собственно, он уже принял решение. В конце концов, если так посмотреть, он ничем не рисковал. Хуже быть уже не могло.

Когда он закончил читать, висящая на стене японская коробочка, гибрид будильника и термометра, показывала двадцать два тридцать две, девять градусов снаружи и двадцать пять внутри.

Он чувствовал себя немного уставшим. Перевернул последнюю страницу и тогда заметил едва заметный надрез на черной коже обложки. Из нее торчал маленький белый пластиковый уголок. Прежде уголка он не заметил, впрочем, весьма вероятно, что его тогда вообще еще не было. Он раскрыл надрез и в первый раз увидел Абсолютную Кредитную Карту.

Она на самом деле выглядела как кредитная карта, хоть Земба знал только одну карточку, на которой в банкомате высвечивалось «на карте нет средств» или «данная банковская операция невозможна».

Карта была прямоугольная, видимо пластиковая, по верхнему краю пропечатано имя и фамилия Зембы, а также какой-то код, по-видимому, для отвода глаз. А вот орнамент на карте, несомненно, имел значение. Земба только раз на него взглянул и тут же всему поверил. Поверил всему – действию карты, столкновению гармонии и хаоса, в котором он был пешкой, в разговор с инструкцией. Он прочел о влиянии этого рисунка на других людей и о том, что для него это только радующий глаз абстрактный орнамент, но не был готов к чему-то подобному. В общих чертах тот немного напоминал движущуюся голограмму, представляющую собой калейдоскоп цветных переплетающихся линий, но он завораживал, увлекал взгляд все глубже и глубже, в какую-то радужную пропасть, где все находилось в спокойствии и равновесии. От него невозможно было оторвать взгляд, и в узоре находились все новые и новые глубины и формы.

От количества советов и информации в голове у Зембы звенело. Он знал, как вести себя в налоговой, как в банках и магазинах. Он держал в руке карту с меняющимся радужным рисунком, заключающую потенциальное богатство, и только сейчас начал по-настоящему бояться.

Не затаившихся кругом таинственных сил, управляющих судьбой, не того, что оказался на поле битвы какой-то нечеловеческой игры между стихиями, а того, что все окажется иллюзией или шуткой. Карта не будет работать.

Может, нет никакой карты, а есть только преждевременно поседевший человек двадцати пяти лет, который сидит в маленьком гостиничном номере и с дурацкой улыбкой пялится на свои пустые ладони. Он мог это с легкостью проверить, достаточно спуститься вниз и заказать себе поздний ужин. Достаточно всего лишь использовать карту. Проще простого. Но он продолжал сидеть в комнате. Он уже давно не испытывал такого страха, хоть в последние несколько месяцев его вкус стал ему очень знаком. Не обычного нервного испуга, а настоящего густого черного страха, который обездвиживает ноги и чувства. Он встал. Знал, что если сейчас не двинется с места, то страх никогда его не покинет.

– Вы принимаете кредитные карты? – спросил он того же самого официанта с вытянутым добродушным лицом и милыми седыми усами.

– Да, Visa, Master Card, American Express...

– А эту? – Земба положил карту на стол прямо на белую скатерть и так явно почувствовал, что сердце стучит в горле, словно он его проглотил. Официант мимоходом взглянул на пластик, потом вздрогнул, посмотрел внимательнее, протянул руку и поднес карту к глазам.

– Знаете, я без понятия. Разрешите, я спрошу у шефа.

Он ждал. Ожидание было страшным. Всегда так – он ждал, а кто-то принимал решение. А потом приходили и объявляли приговор. Родители, учителя, преподаватели, врачи. В одну или в другую сторону. Чаще всего в другую.

Официант вернулся от шефа и направился в его сторону. Что-то нехорошее чувствовалось в его неторопливой походке и абсолютном спокойствии. Он не улыбался, не шел энергично, чтобы принять заказ состоятельного-клиента-с-картой.

Тучный клиент из России грозного грузинского вида наклонился назад в сторону официанта и что-то произнес. Тот остановился и склонился к посетителю, но ежеминутно поглядывал на Зембу жестким холодным взглядом.

Несостоявшийся миллионер чувствовал только облегчение. Это эффект шока. Ярость, разочарование, сожаление и унижение ожидали своим чередом. Но в данный момент он хотел только, чтобы все закончилось.

Официант подошел к столику и провел картой по скатерти. Он улыбался.

– Мы принимаем такие карты. Что вы закажете?

На следующий день после легкого завтрака (кукурузные хлопья, творожок с укропом, ветчина из дикого кабана, горячие рогалики, джем из фиг, кофе со сливками, манговый сок) Земба остался в комнате. Он провел утро с ручкой в руке, набрасывая планы на гостиничной бумаге, составлял списки покупок и проблем, которые достаточно было заткнуть деньгами, чтобы они превратились в обычные решаемые дела.

Было похоже, что сам поиск и покупка квартиры, ее обстановка – он не рассматривал какой-то невероятный уровень, а обычный средний стандарт, – займет у него несколько ближайших месяцев. Было похоже, что эти месяцы станут очень приятными, потому что он обнаружил в себе еще одну вещь – Земба умел радоваться. Он сомневался в том, что вчера кому-то еще так же понравился бы его ужин.

Он устроил себе трехдневные каникулы, во время которых добросовестно отрабатывал все, что только предлагал мотель «Саргассо» в своих брошюрах – бильярд, сауну, уроки верховой езды. Несколько часов, не обращая внимания на ледяную морось и сильно намокшие спортивные брюки, стучал мячом в стенку, отбивая его теннисной ракеткой. Вечер провел в баре, дегустируя все неизвестное ему ранее спиртное, так что в конце концов двое официантов были вынуждены отнести его в номер. Стрелял по мишеням, израсходовал кучу боеприпасов,

но через три часа дважды попал в глиняную тарелку и получил ироничное bravo от обслуживающего персонала.

На четвертый день вечером позвонил жене. Голос у Оли был надломленный и тревожный, как обычно. Как обычно, она была измучена и не справлялась с двумя двухлетними близнецами и шалющим трехлетним ребенком. Все это ее уже достало. Она хотела знать только одно: когда Земба будет дома и поможет ей, когда будут какие-нибудь деньги, хотя по голосу было ясно, что она утратила уже всякую надежду и ей все равно.

Ему стало ужасно жаль жену.

– Олечка, подожди, это очень важно. Сейчас я работаю над контрактом на огромную сумму. Я получу проценты, это действительно куча бабок. Нет, я делаю это один, не через фирму. На фирме ничего не знают... Подожди, я же говорю тебе, что являюсь посредником в контракте. Проценты... еще не знаю сколько. Куча. Если все хорошо сложится, мы купим квартиру, возможно, я начну свое дело. Я не валяю дурака, и я трезвый... Точно не знаю, через несколько дней. Нет, не могу разговаривать, я на секунду вышел с переговоров. Позже все тебе расскажу... мне нужно бежать... пока.

Он отключил телефон, с тяжелым сердцем терзаясь укорами совести. Бедная Оля! С той стороны во время разговора все время был слышен ор троицы и монотонный резкий скрежещущий голос начальницы госпожи Зембовой, которая, как обычно, требовала внимания к себе, потому что ей нужно было что-то сказать и ее нисколько не волновало, пеленаешь ты ребенка или тебе нужно выйти.

Это ничего, дорогая, еще всего только несколько дней, а потом, наконец, ты будешь в собственном доме, где никто не будет на тебя орать, никто не швырнет в лицо мокрые пеленки, никто не будет тебя потчевать колкостями или считать «недостойной особой». Ты больше никогда не будешь плакать от одного вида счетов, не будешь продавать последнюю бижутерию, чтобы у детей была хоть одна новая вещь. Я отблагодарю тебя.

* * *

– Я слышал разные истории в своей жизни, – сказал Стефан, – и собственными глазами видел, как один политик босиком полез в огонь, я видел дух и однажды над Сахарой собственными глазами видел настоящее НЛЮ. В Индии я видел, как мужики массово прокалывали себя крючками и иглами, прямо становились похожи на ежей, но крови на них не было вообще. Но такого...

Они сидели у Стефана в квартире, обставленной с особым вкусом одинокого человека. Земба в кожаном кресле с рюмкой рома «Гавана Клуб» в руке, а Стефан за своим письменным столом. Земба аккуратно вертел в руке рюмку, косясь краем глаза на циферблат своих титановых часов фирмы Tag Heuer. Он ожидал реакцию друга. Он по-прежнему любил его квартиру, в которой когда-то – месяц? двадцать лет тому назад? – находил единственное, кратковременное убежище. Теперь оно казалось ему немного вызывающим клаустрофобию и тесным, заставленным старой мебелью, где стены умоляли о еще одном слое краски. Прежде он этого как-то не замечал.

– Ты войдешь в сообщество? – произнес Земба.

– Послушай, это отдельный разговор. Я – свободный художник и не люблю ни с кем связываться, но на самом деле звучит неплохо. Понятно, есть идеи на основательные репортажи, которые никому не хочется делать, и моего появления на нескольких каналах будет достаточно, чтобы такую вещь продать. Если ты пообещаешь мне, что никогда не возникнет разговоров, мол, поскольку ты подписываешь счета, то как автор проекта будешь все решать сам. Если же ты захочешь у меня поучиться, не вопрос, я рискну. Но в работе руковожу я. Ладно, об этом

мы всегда можем договориться, но важно другое. Я должен знать, откуда у тебя бабки. Или ты мне доверяешь, или ничего из этого не выйдет. Ты их украл у каких-то мафиози?

– Стефан, разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– Конечно-конечно. А помнишь Эдиту?

– Да мы дурака валяли, нам было по семнадцать лет, и спал я с ней только раз, собственно, по ошибке. Кроме того, это был инцидент, а врал я потому, что хотел сохранить ваш союз, дурень ты этакий! Откуда мне было знать, что эта идиотка тебя бросит? Разве когда-нибудь потом я тебе врал?

– Ла-а-дно. Ты теряешь работу. Говорю тебе – езжай, отдохни и соберись с мыслями. Ты едешь, через неделю возвращаешься на «лендровере», снимаешь жене и детям апартаменты в «Меркурии», покупаешь пятикомнатную квартиру, ремонтируешь ее, покупаешь детям игрушки, о которых они мечтали, наряжаешь Олю как Мишель Пфайфер на вручении Оскара...

– Она сама так оделась, – встрял Земба.

– Ладно, штурманская куртка с барашком – это не вершина вкуса, да будет тебе известно. А потом приходишь сюда с бутылкой совершенно офигенного кубинского рома, который ты привез из Чехии, и пачкой сигарет Amphory Scotch Whisky, которые я не курил уже восемь лет, чтобы рассказать мне какую-то даосскую историю о борьбе гармонии с хаосом, о том, что твои несчастья являются причиной войны на Ближнем Востоке и что силы Инь подарили тебе магический пластиковый прямоугольник, заменяющий деньги. Ты хочешь, чтобы я тебе врезал?

Земба вытащил из внутреннего кармана портмоне, из портмоне карточку и бросил ее на стол. Стефан на минуту отложил трубку и поднес пластиковый прямоугольник к свету.

– Ла-а-а-дно, – пробормотал он в бороду. – Похожа на настоящую кредитную карту какой-то неизвестной фирмы. Здесь есть фамилия, номер, рисунок, конечно китчевый, но вполне ничего, похож на голограмму, в общем очень красивый. Но почему нет никакого банка? Красивая, красивая, черт побери!

– Открыт ли тот ночной магазин внизу?

– Открыт.

– Тогда собирайся, мы идем вниз за кока-колой и лимоном к рому.

– Это ничего не доказывает, – упирался Стефан, когда они вернулись назад. – Ты мог расплатиться прежде, впрочем, там принимают карточки и могли не обратить внимания на то, что это какая-то левая.

Земба на минуту замер, с курткой в руке, после чего снова достал карточку и протянул ошолобевшему Стефану.

– Рассмотрю ее хорошенько, – произнес он.

Стефан посмотрел на рисунок, потом на Зембу. Некоторое время он играл картой, наклоняя ее в разных направлениях и рассматривая картинку.

– Одолжи мне пять сотен, – внезапно выпалил Земба.

Стефан задумался, пыхнул разок трубкой, а потом машинально посмотрел на карточку и вздохнул.

– Это что-то, о чем я хотел тебе сказать, – признался он с грустью. – Я сейчас, знаешь, как дурак. Недавно я прочел одну статью, довольно забавную. В ней был универсальный список советов для джентльмена. Для бритоголовых в общем-то, но одна вещь заставила меня поразмышлять... Ну, ладно. Я решил, что не буду давать тебе деньги в долг.

Земба от удивления поднял брови. Такого он не ожидал.

– Я пришел к заключению, что если другу на самом деле нужны деньги, то не нужно брать в долг, потом он должен тебе отдавать, а не всегда получается, и ситуация становится неловкой. Поэтому я тебе просто дам пять сотен. Я не хочу, чтобы ты возвращал, понимаешь?

Впрочем, мне неудобно, что и прежде я одалживал, когда ты был в такой заднице. Тебе семью содержать, а я... – Он улыбнулся. – А я как-нибудь перекантуюсь в этом месяце на три тысячи.

Он сунул руку в карман джинсов, вынул небольшое портмоне и, прежде чем Земба успел воспротивиться, отсчитал десять хрустящих новеньких купюр.

– Стефан, очнись, ведь это всего лишь тест! Забирай это, идиот. Я хотел только показать, что карта работает.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, это глупо, ведь мне хватит, а у тебя семья...

– Стефан, ты болван! Мне не нужны никакие деньги, – взревел Земба. – Не нужны, понимаешь? Я богат. Вся эта паранойя меня не касается – у меня все бесплатно. Все, что мне нужно, и даже больше. Сейчас деньги для меня – это картинки. Понимаешь? Мне нужна рубашка, я иду в магазин и беру рубашку. Какую захочу, а не ту, которую могу купить. Показываю карточку – и все. Хочу туфли – беру туфли. А когда мне нужны деньги, я иду в банк и прошу деньги. Спрячь ты наконец этот салат и налей водки! Проснись!

– Ну, я не знаю, – произнес Стефан. – Я же читал эту статью и подумал, что... карточка... это дурдом какой-то! Skol!

Он поднял рюмку, покрутил янтарную жидкость и одним глотком влил ее в горло. Причмокнул губами и со стуком поставил рюмку на стол. Земба тоже выпил.

И быстро запил карамельный привкус тростникового сахара колой.

– За Африку, братишка! – воскликнул он. – За Гималаи, Занзибар, за Китай и за Марианскую впадину! За все чудеса в мире, которые мы можем снять и показать людям. За весь этот гребанный цветной мир!

А потом, когда закончился ром и Земба с трудом смог заказать такси, Стефан проводил его до лифта и, протягивая руку на прощание, сунул в нее десять сложенных купюр достоинством пятьдесят злотых каждая.

За следующие полгода Земба сроднился с картой и привык. Она стала продолжением его тела, и дело было совсем не в деньгах. Карточка обеспечивала ему чувство безопасности. Деньги не приносят счастья. Пусть так. Но их отсутствие может быть серьезной преградой. О вещах, которые не нужно покупать, он мог позаботиться сам. Теперь он это знал. Весь мир вертелся вокруг денег. Они могли ломать и изменять людей, то есть совершать больше, чем какой-нибудь рационалист или воспитание, могли возносить на вершины тех, кто в противном случае никогда бы не достиг вершин, могли опускать на дно достойных и превращать их в бомжей. Миллиарды пропадали, отдавали другим тело и ум, страдали и были обречены на рабский труд до конца жизни исключительно из-за денег. Мир был деньгами, но Зембу это не касалось. Он спокойно себе жил, надежно закрывшись маленьким прямоугольным кусочком пластика. Его не касалась инфляция, дотации, оплаты, кредиты, аренда и пошлины – ничто, отнимавшее половину энергии у всех других. Всех, но только не у него.

Никому, кроме Стефана, он о карте не сказал, даже Оле. Впрочем, со стороны ничего необыкновенного, магического не было кроме того факта, что он стал богатым. Он пользовался не одной карточкой, у него была фирма, он играл на бирже, но скорее для вида, одним словом, не было ни малейшего шанса, чтобы кто-нибудь заметил что-то необычное. Особенно он следил за тем, чтобы стандарт его жизни не слишком отличался от среднего.

Сотрудничество со Стефаном складывалось самым лучшим образом. Они арендовали офис, взяли секретаря, бухгалтера, кинооператора и звукооператора. Земба сполна обеспечил счет фирмы банковскими купюрами, и работа пошла.

Лучше всего было то, что ему совсем не нужно было работать. Но в один прекрасный летний день, тупо плясая в передачу для молодых мамочек, Земба внезапно понял, что одуреет, если не найдет себе какое-нибудь занятие. Раньше он бы такому никогда не поверил.

До этого он, как и многие, вкалывал в офисе. Вставал всегда в одно и то же время, всегда невыспавшийся, всегда с проклятием на устах. Заполнял бумаги и соглашения, занимался

корреспонденцией, звонил и выполнял поручения. Всегда выполнял нудную часть работы, над которой думал кто-то другой, никогда не знал, зачем все это делает, и не видел результатов. Когда он размышлял о своей прошлой жизни, то был не в состоянии отличить отдельных дней и месяцев. Все слилось в одно и потускнело, словно жизнь представляла собой всего лишь маленькую горькую пилюлю, которую нужно было проглотить и умереть. Земба понятия не имел, как можно было все это выносить. Детали стерлись, пропали дни и лица, из воспоминаний остались только страх и ожидание. Он боялся ежедневно, таким безнадежным, тошнотворным, бесконечным, беспричинным страхом. Боялся, что его выгонят, что обманут, боялся присутственных мест, боялся почты, боялся родителей, боялся Олю, боялся счетов и каждого дня.

Ожидание было еще хуже. Он приходил на работу и ждал, пока можно будет уйти. Гипнотизировал взглядом стрелки, на маленьких листочках рисовал отрезки времени и обозначал на них, сколько уже отсидел и сколько еще осталось. Дома его ждала вечно насупившаяся госпожа начальник, постоянные упреки и скандалы, уставший от работы и постоянно спящий отец, разболтанные и агрессивные дети, отчаявшаяся, гаснущая на глазах Оля. Постоянная толчея, беспорядок и нищета. Он ждал выходных, и они были так прекрасны, что в понедельник он шел на работу. Чтобы опять ждать.

Сейчас он работал как бешеный, и это доставляло ему огромное удовольствие. Впервые в жизни он на самом деле что-то делал. Придумывал фильмы и репортажи, готовил researching, уговаривался с людьми на интервью, организовывал работу группы, учился обходиться с камерой, микшерским столом и набором playback. И ни на минуту не возникало впечатления, что он работает. Его все радовало, все было на самом деле – весь огромный цветной мир, о котором он понятия не имел. Конечно, раньше он знал, что где-то там существует дикая природа, политики, великие эпохальные события, мафия, религиозные секты и прочие невероятные и острые проявления жизни, но все это ему казалось чем-то нереальным. Реальным был только задрипаный офис с видом на угрюмый двор, застроенный гаражами и складами. Реальностью была перенаселенная грязная квартира, скандалы и неоплаченные счета. Реальностью был страх и стрелка часов.

А теперь все это в прошлом. Он – совладелец фирмы и все вокруг него – люди, предметы – такое, как он сам решал. Прежний мир возвращался лишь иногда среди ночи, и тогда он внезапно просыпался, сжимая вспотевшей ладонью магическую пластиковую карточку, которая появилась неизвестно откуда.

* * *

Кашинда горела, и подожгли ее собственные жители. Горели кучи покрышек, нефть в бочках, горы мусора. Сейчас смердящий отходами, гнилью и нищетой район Бетебеле извергал в воздух запах жирного ядовитого дыма. Это был огонь гнева. Взбешенные гота танцевали вокруг костров, размахивая мачете, палками и импровизированными копьями из прутьев и с математической точностью отбивая ритм африканской ярости, стуча по жестяным стенам шалашей, по бочкам и сожженным кузовам старых машин. Гота хотели свободы, чтобы убивать батусси, ватуу и белых. Батусси редко появлялись в Бетебеле, а в последние несколько дней лишь изредка проносились по узким улочкам в разбитых «лендровежах», поднимая брызги в грязных лужах, пугая кур, собак и детей. Только батусси в Бетебеле носили старые натовские каски и держали в руках автоматы Калашникова. Но сейчас они старались не задираться и только иногда, когда крики гота и град камней действительно угрожали патрулю, кто-то из патрульных поднимался с деревянной скамьи и, придерживаясь одной рукой, выпускал в раскаленное небо короткую автоматную очередь русских патронов или легким движением посылал танцующую гранату со слезоточивым газом.

Гота хотели убивать, потому что уже несколько дней убивали их.

Расклад с давних пор был понятный: гота – в городах и в учреждениях, ватоу – в деревне, а батусси – в армии. И так было хорошо, потому что гота и ватоу всегда вели войну. Но сейчас равновесие нарушилось, потому что у ватоу был президент, и они взяли в руки мачете. Красная, странно блестящая кровь черных хлынула на дороги, высохшую траву и рыжую африканскую пыль. Женщин убивали, чтобы не рождались новые гота, детей, чтобы не мечтали о возмездии, а мужчин, чтобы не жили.

А батусси безразлично смотрели на это из-под глубоких стальных касок и ездили в грязно-желтых «лендровеках». Потому и возгорелся огонь гнева. Потому и столб черного жирного дыма поднялся над Кашиндой и протянулся далеко на северо-запад прямо туда, на разрезающую джунгли дорогу, где вдоль дороги и в русле ручья лежали триста восемьдесят четыре человека из племени гота. Смерд пожара смешивался с резким и тяжелым запахом смерти.

Земба стоял посреди шоссе, калибруя опорную стойку камеры, когда понял, что вот он на своем месте и достиг счастья. В долине господствовали мухи, которые лезли в рот и в глаза, вылетев из серых, искореженных тел гота, зарезанных два дня тому назад. Опираясь о «лендровер» NBC и стараясь не уделать брюки, Дэн Крастинг блевал на асфальт виски и стейком из антилопы, а смерд внезапной смерти облеплял волосы и одежду.

Земба установил штатив, выпрямился, а потом сдвинул ненужный респиратор на шею и закурил «Лаки Страйк». Крицкий склонился над своим магическим ящиком и не отводил глаз от потенциометров, выставляя вперед ворсистую палку направляющего микрофона. Он ничего не хотел видеть. Он хотел быть только ушами мира, а звуки на дороге миссии Мапатано были не такие и страшные. Крицкий регистрировал только нескончаемый вой миллиардов голубых жирных мух, клубящихся в разогретом дрожащем воздухе, безразличное молчание людей в белых касках Красного Креста, которые складывали трупы на грузовик, и ор попугаев.

– Лады, дай поближе грузовик и панораму дороги. Не снимай уж так демонстративно этих солдат, а то сядут на коня. Тот мелкий и без того все время так пялится, будто я выдоил его козу, – произнес Земба в сторону оператора. Ожеховский взвалил камеру на плечо и сплюнул.

– Блин, как я не люблю делать эти хэдлины. Все одно и то же. Ублюдки на джипах и мертвые детишки. Босния, Газа, Афганистан... к черту это все. С ума эти люди выжили? Что происходит?

– Еще комментарий Стефана, и сматываемся отсюда, – успокоил его Земба. «Африка, – подумал он, – не такая, как я ее себе представлял, но все же Африка. Это одно из самых ужасных мест на Земле, настоящий предбанник ада, но и она лучше офиса». Он знал, что должен быть тут, потому что кто-то должен показывать это новое обличье Африки, искореженное извечной племенной ненавистью и горящим огнем убийства в глазах. Кто-то должен показывать людей, которые специально заражаются СПИДом, потому что белые любят СПИД и больной человек может получить одеяло и мешочек фасоли, пачку чая и сахар. А ведь важно то, что имеешь сейчас, важно одеяло и фасоль на несколько дней, а от СПИДа умрешь через несколько лет. Через несколько лет можно умереть несколько раз, потому что это Африка. Здесь сотни болезней, намного более жутких, чем СПИД, которые убивают за две недели, здесь можно получить по голове мачете, можно получить пулю, можно умереть от голода и жажды. Через несколько лет – это целая вечность.

Когда они возвращались на грязном пепельном «вольво», взятом напрокат в «Маджестике», трупов и горящих КПП уже не было, одна настоящая Африка. Кусты, черные женщины со свертками на головах, замотанные пестрыми платками, обезьяны на деревьях и тощие коровы с гигантскими рогами.

– Есть идея, – сказал Земба, прерывая гробовое молчание товарищей. – Вы видели «Это Америка» или «Шокирующая Азия»?

– Ну и? – неохотно отозвался Ожеховский.

– А что, если сделать такой сериал об Африке?

– Было уже, – одновременно произнесли Стефан и Кжицкий. «Вольво» стал плясать на выбоинах.

– Что значит «было», – ужаснулся Земба. – Что-то, может, и было, но не так. Здесь значительно больше материала, чем могло бы «быть», тут настоящее месиво. Хватит на сто таких фильмов. Вот увидите. – Он удобно уселся на сиденье и закурил. – Африку всегда показывают с двух сторон – или то, что мы делали сегодня, то есть война, карабины и стычки, возможно, с уклоном в нищету, то есть худые дети с мухами на лице, живые скелеты, болезни, и боевых парней из Америки, которые раздадут муку или делают всем уколы. Или полнейшая экзотика: антилопы, слоны и танцующие масаи. Тамтамы, Серенгети и весь прочее. А проститутки в Кашинде?! А африканские дискотеки?! А шаманы жужу в городах? А эти целые банды гребанных белых путешественников?! А политики не от мира сего, как хоть бы наш тутошний Жан-Батист Мобуту?! Этого мало?

– Я не знаю, – задумчиво произнес Ожеховский. – Ты здесь главный, но, по-моему, только сбор материала по чему-то подобному – это годы работы.

– Но-о-о! – возразил Земба. – Такое исследование ты можешь сделать, не выходя из «Маджестика». Каждый ребенок в Кашинде за пятьдесят шиллингов покажет тебе такое, что у европейцев глаза из орбит вылезут. Здесь материалы на каждом шагу.

– Может, – сказал Стефан, – но это идея на сериал или полнометражник. Кто ж его купит? Польское телевидение наверняка нет. Слишком дорого.

– «Дискавери», – начал перечислять Земба, – Би-би-си, может, Эн-би-си. «Раи Уно»...

– А ты туда вхож? А у тебя есть там зацепки?

– В «Дискавери» – да. Впрочем, и в «Чамберс» есть производитель. В Токио 12 тоже. Через лондонский офис и этого, как его там... Малачипа.

– Малашита. Ну ладно-ладно, только мне по этому поводу нужно что-нибудь съесть и выпить. Поговорим вечером в отеле.

Ресторан отеля «Маджестик» в Кашинде ассоциировался у Зембы с последними днями господства Батисты на Кубе. Бьющая в глаза колониальная роскошь, пальмы, официанты, танцовщицы и оргия слегка покрытого пылью великолепия, а из окон не так и далеко стрекот автоматов Калашникова в Бетебеле. Охрана на паркинге ходила с луками, чтобы не будить посетителей, а за ограждением сада стояла бронированная машина полиции. Посмотреть, как оголодавшая толпа ввалится сюда, разбивая стекла, переворачивая маргаритки Ливингстона в горшках и швыряя на персидские ковры чаши с плавающими в них композициями из орхидей.

Земба заказал только дыню с датской ветчиной и содовую из банки, а Ожеховский – утку с трюфелями и овощной салат, Стефан – стейк из антилопы гну, Крицкий – какую-то странную жареную рыбу с африканскими овощами. Команда отрывалась за годы голодной диеты на польском телевидении, и Земба ничего не имел против. За полгода неожиданного богатства он успел увидеть столько идиотов, не умеющих использовать прекрасные условия, что почитал за честь обеспечить тех, кого ценил и кто этого заслуживал. Похожее чувство радости он испытывал, когда платил им по-королевски и неожиданно вдруг оказалось, что захоти он репортаж из ада, то команда у него будет. Просто будет, и все.

– Это Эварист Матабеле, – произнес Стефан по-английски. Земба поднял голову и посмотрел прямо в лицо, в проникновенные глаза худощавого негра интеллектуального вида, одетого в классический темный костюм и с бусинками, вплетенными в длинные волосы.

– Здравствуйте, садитесь с нами, – приветливо сказал Земба.

– Матабеле – шаман, – по-польски добавил Стефан.

– Современный шаман – три языка, официальный офис в Кашинде, компьютер и все такое.

– Компьютер не имеет отношения к жужу. У меня консалтинговая фирма. Магия – это серьезная вещь, а компьютер – игрушка, – вдруг произнес Матабеле по-польски. Все остолбенели.

– Я учился в Щецине, – добавил шаман и налил себе воды. Он переждал взрыв смеха, явно довольный произведенным эффектом.

– Ну ладно. Я этого не знал, – простонал Стефан и вытер слезы радости. – Главное, что этот... житель Щецина знает Центральную Африку как свои пять пальцев. Вот, и я, того, размышляю над тем, о чем ты говорил, и думаю, что у тебя есть свой проводник.

– *Garçon, comme ça va!* – радостно рявкнул Земба. – Виски!

Они протянули друг другу руки. Матабеле сжимал руку по-африкански, непонятным образом щелкая твоими пальцами, когда ладони разъединялись. Когда же пришел черед пожать руку Зембе, ладонь африканца дрогнула, словно между подушечками пальцев проскочила искра. Grimаса страха пробежала по его лицу и пропала, и все стало по-прежнему. Шаман сел и делал вид, что слушает Стефана, но не спускал с Зембы изучающий взгляд.

«Я выиграл, – подумал Земба однажды темной пустынной ночью спустя полгода. – Я выиграл! Я пнул-таки дьявола и спас свою жизнь. С некоторой помощью моих друзей. Оно того стоило, и мне наплевать, что сейчас я подыхаю».

С того места, где он сидел, на фоне горящего заката, ему были видны контуры «лендроверов», поблескивающие металлические крыши палаток; пламя газовой плиты голубым цветом рисовало лица сидящих вокруг людей.

В первом «лендровере» сел топливный насос. Он ехал сто сорок километров на буксире, и все было бы нормально, если бы не то обстоятельство, что в другом износился двигатель, а может, протерлась прокладка под головкой, или то и другое. Не важно. Они были прикованы к земле. Намертво! Где-то между оазисом Ситакве и Нватле, посередине гребаной Калахари. На завтра воды уже не хватит.

Ожеховский не сдавался никогда. Вот уже пять часов он колдовал над мотором, пытаясь переставить насос с одной машины на другую. Как выглядит насос, он вычислил методом дедукции. Он никогда в жизни не видел вблизи двигатель «лендровера». Ему не хватало инструментов. Он орудовал огромным ключом, сломанными плоскогубцами и перочинным ножом. Порезал руки и вымазался машинным маслом. Если им удастся выйти целыми из этой передраги, у него будет заражение. Африка.

Земба был спокоен. Такая смерть не рождает паники. Какая-то она прозаическая и далекая от внезапной. Подумаешь, машина сломалась! Когда-то у него была машина, которая раз в месяц требовала отделения интенсивной терапии, и он прекрасно знал это чувство бессильного бешенства по отношению к сопротивляемости материала. В первый момент они как-то и не поняли, что происходит. Калахари была всего лишь пятном на карте, грязно-желтым пятном с голубыми кружочками, подписанными Квай или Лекуру, обозначающими оазисы, дорога до которых измерялась часами. Говорили: «Двести километров. Вечером будем в Ситакве». А потом вдруг переход от беззаботного путешествия, в котором единственными проблемами были пыль, которая залепляла рот, и убийственная жара, расплавляющая кузов, до абсолютного обездвижения. Мотор закашлял, как астматик, раздался вздыбливающий нервы визг стартера, а потом обрушилась глухая тишина пустыни. Первые стервятники, которые сначала очерчивают круги на распаленном синевато-багровом небе, а потом наглым образом сидят вокруг машин, словно псевдоплакальщики. Внезапно расстояния сделались невыносимыми, вдруг сто километров стало расстоянием, которое невозможно преодолеть, особенно по трудной местности, особенно имея остатки воды, особенно в Калахари. Кто-то из группы, он даже не заметил кто, расплакался от злости, но Стефан на это спокойно сказал: «Не переводи воду». Никто не впадал в истерику и не ругался, Земба гордился ими. Разбили лагерь, собрали остатки воды,

выкопали в песке и камнях ров в форме больших букв F и W. «F» по международному коду значило «нужна еда и вода», а «W» – «нужен механик». Вечером ров полили бензином и подожгли. Порезали на куски нейлоновые багажные сумки и накрыли ими рвы в песке, укрепив края и положив небольшой камушек в середину каждого, вниз положили пустые банки и фляжки. Когда взойдет солнце, внизу из воздуха скопится водяной пар, осядет на фольгу и начнет собираться в банки. Будет несколько глотков воды. В теории. Больше ничего нельзя было сделать. Оставалась надежда и молитва жужу.

Последняя не особенно укрепляла дух еще потому, что Матабеле вынул свой сотовый и печально показал уровень зарядки аккумулятора. Уже неделю не было возможности подзарядить батарею. Это все, что касается вуду.

Ожеховский трудился над насосом, подсвечивая себе миниатюрным фонариком, который держал в зубах, как сигару, разломавшиеся плоскогубцы скользили по прикипевшим болтам. Безднадега.

– Крис, перестань, уже темно, – сказал Крицкий. – Сегодня ничего у тебя не получится.

Стефан с тупым упрямством штудировал истрепавшуюся карту, будто хотел притянуть оазис взглядом, прижал ее массивным швейцарским ножом «Венгера» и вытащил компас. Стрелка летала по кругу. Стефан остолбенел и потряс компасом. Фонарик Ожеховского начал светить желтым светом, а потом погас.

– Что же это, блин, происходит?! – рявкнул Ожеховский. – Я же в Йоханнесбурге вставил новые батарейки!

Плитка начала пыхтеть, огонь в ней – мерцать.

Земба вставил самокрутку в пересохшие губы и щелкнул зажигалкой. Зажигалка «Зиппо» так проста, что практически никогда не подводит, перестает работать, когда заканчивается бензин, который смачивает спрятанный внутри клубочек хлопка, сгорит фитиль или сотрется камень. Ей не мешает ветер, песок и снег. Но она не работала! В ней был бензин, новенький камень, фитиль в порядке. Не желала гореть. Коварство мертвых вещей. Такое бывало. Когда-то оно разрушало его жизнь, потому что Зембу напрягало все. Нужно было успеть к означенному часу, а тут ломалась машина, рвались шнурки в единственной паре обуви, закрывались киоски с талонами, перед носом уезжали автобусы. А потом он просто совал руку в карман, отсылал машину в ремонт, арендовал другую или брал такси. Обувал другую пару обуви. Тогда у него уже была карта. Он был богат. У богатого все гладко, все сладко.

А что сейчас? Может, кто-нибудь желает получить его бабки?

– Выбрось это! – Матабеле вышел из мрака словно тень.

– Почему! Ведь хорошая зажигалка.

– Не в ней дело. Не притворяйся идиотом. У тебя есть что-то, что принадлежит ему.

– Идиотом, говоришь? Что у меня есть, что принадлежит кому-то?

– Умойя Омубе. У тебя есть что-то, чего он хочет. Просто выбрось. Он найдет и оставит нас в покое. Машина заработает. Мы поедем. Мы будем жить. Я это знаю.

– Эвар, что с тобой?! Что ты несешь?

– Подумай! Я это знаю. У тебя есть что-то, что принадлежит ему. Умойя Омубе. Он убьет всех, если ты не отдашь. У тебя есть какой-то, как его называют... насибу... фетиш. Хороший фетиш. Он помогал. Но теперь Умойя Омуби хочет его себе. Нужно отдать.

– Эвар, отдохни. Я должен подумать.

Матабеле повернулся и, спотыкаясь о камни, спустился к лагерю.

Земба посидел еще некоторое время, несколько раз беспомощно понажимал на колесико зажигалки и пошел за ним. Открыл заднюю дверь «лендровера», с минуту переворачивал набитые военные мешки с одеждой, алюминиевые чемоданы с оборудованием, пока наконец не наткнулся на длинную брезентовую сумку. Со свистом открыл замок и достал из середины самозарядный карабин «Ругер М-14». Перестройка перестройкой, Мандела может быть пре-

зидентом, но если ты белый, то по-прежнему без лишних вопросов можешь купить оружие. Даже если выглядишь как человек из Евросоюза.

– На охоту? – спросил Стефан. В спальнике он был похож на ехидную гусеницу.

– Осмотрюсь, – ответил Земба, копаясь в поиске патронов. – Не бойся, я не потеряю огонь из виду.

– Он вот-вот погаснет.

– Да не потеряюсь я в этом стольном граде.

– Блин, что это? – Ожеховский что-то выедал пальцами из плоской жестяной банки. Масло капало с его пальцев.

– Копченые мидии.

– Что? Я ем копченые мидии? Что это вообще такое? Прием в «Бристоле»? Кто это берет мидии в пустыню?

– Они легче омаров, – отозвался Крицкий. – И не выгребай их руками. Меня прямо выворачивает, когда я на тебя смотрю. Я бы даже предпочел, чтобы ты их ел расческой. У него клешни в мазуте, а он так ест. Господи!

Земба вставил магазин на пятнадцать патронов в обойму и щелкнул затвором, услышав, как мелкий песок захрустел на пружине.

– Мидии помогают путешественникам помнить о женщинах, – бросил Ожеховский вслед. – Поэтому мы берем их с собой.

Пустыня поглотила его черным мраком, но еще не было абсолютно темно. Он никогда не предполагал, что от луны столько света. Земба не ушел далеко, когда увидел следы. Четкие отпечатки следов узких ботинок с подковами. Потом заметил фигуру высокого, карикатурно худого мужчины в развевающемся длинном плаще и в шляпе. Это было так внезапно, что в одно мгновение Земба стал мокрый от пота, как мышь. Сердце от испуга больно стучало о ребра. Фигура была отчетливо видна на фоне неба, она не была ни скалой, ни тенью; плащ на ней развевался. Она смотрела на лагерь и на голубые языки пламени, а потом вдруг, одним внезапным движением, распростерла руки так, что ее прямо согнуло назад, запрокидывая лицо к небу. Огоньки погасли. От незнакомца несло чем-то страшным и одновременно омерзительным, чем-то, что навевало мысли об удушающем трупном запахе в жаркий летний день, жужжании жирных мух, гниющей безнадее трупов и грязной бессмысленной жестокости.

Земба смотрел на него, забыв о карабине, который он судорожно сжимал в руках, и явственно чувствуя, как волосы один за другим поднимаются на всей его голове, как встают дыбом даже самые микроскопические волоски на затылке и вдоль позвоночника. Мужчина все еще стоял так, слегка походя на сумасшедшего вершителя правосудия из какого-то мрачного вестерна, в котором все герои – грязные мерзавцы, на дешевого проповедника какой-то подозрительной секты. Земба наконец-то превозмог тяжесть в ногах и скованность мышц, поднял карабин к плечу.

«Это он, – подумал он в испуге, – гребаный Умойя Омубе, или как там его называют. Отродье из глубин ада, который не хочет отстать от меня». Он не мог объяснить себе, откуда знал это, почему был так убежден, ведь это мог быть любой бродяга, белый или черный, одетый в развевающиеся одежды и шляпу. Ничего необычного для пустыни. «Я не попаду в него, если он на меня посмотрит», – панически подумал Земба. Он знал, что не выдержит его взгляд. Тип был страшен уже издали и в профиль, и дело не только во внешнем виде.

Он встал на колени, попав всей тяжестью тела прямо на острый камень, присвистнул от боли и потерял равновесие. Шаркнул осколком куда-то в сторону, поднес карабин к плечу, но мужчины уже не было.

Он пропал. Скала по-прежнему подпирала освещенное луной ночное небо, но была пуста. Земба медленно поднялся и пальцем нащупал на спусковом крючке язычок предохранителя. Тихий стальной звук прозвучал оглушительно.

– Оружие тебе не поможет, – раздался шепот. Резкий, свистящий. По-польски. Прямо над ухом. – Есть вещи, в которые стрелять невозможно.

Он сидел на корточках на скале, совсем рядом, руки его были сплетены на коленях, лицо наполовину закрыто полями шляпы. Полы плаща, разделенные надвое, развевались сзади, как крылья, и придавали ему страшный, наполовину птичий вид. Земба издал какой-то карикатурный, словно высохший, крик, не то писк, не то визг, и слегка обмочился.

– Не переводи воду, – просвистел незнакомец. Даже голос его звучал странно, словно исходил из гортани птицы. Он слегка походил на воркование голубя, с едва различимыми, спрятанными где-то в глубине словами.

Земба поднял карабин к бедру и нажал на спусковой крючок. Прямо в корпус. На двух метрах. Нельзя не попасть. Раздался металлический холостой треск. Он выругался и дернул затвор, выбрасывая пустую гильзу со сбитым капсюлем. Следующий патрон перевернулся внутри, и карабин заклинило.

– Это ничего не изменит, – просвистел мужчина. – Ведь ты не можешь убить Ангела-хранителя.

– Сваливай! – жалобно промяукал Земба внезапно высохшим горлом. – Ты ничего от меня не получишь, урод.

– Ну-ну, что за выражения! Просто счастье, что мы в Намибии и ты никого не оскорбишь этим. Я хочу, лишь только чтобы все вернулось на свои места. У тебя есть что-то, чего ты не заслуживаешь. Все нужно заработать. Разве ты не читал басни Эзопа? У каждого свое место. Твое среди серых людишек, которые суетятся в круговерти и не имеют других недостижимых желаний, кроме как дотянуть до первого числа. Это очень простой обмен: отдай мне Карту, и будешь жить. Так как должно.

Земба все это время возился с карабином, пытаясь достать погнутую гильзу. Бешенство победило страх. Наконец-то у него был враг. Существо, которое разрушило его жизнь. Один выстрел. Такого расстояния достаточно. Умойя Омубе и патрон винчестера калибра 0.30. Мужчина плавно и медленно встал, словно сидел на мягкой земле, а не на острых камнях. Встал, медленно раскрывая руки. Встал, поднимая голову. Тень от шляпы соскользнула с его лица, обнажая маленький бесформенный рот и нос, напоминающий клюв. Его лицо было чужим и выглядело так страшно, что в первый момент от испуга Земба не мог распознать в нем человеческое лицо. Маленькие желтые глаза со странными зрачками напоминали глаза совы. Белой совы с человеческим лицом.

– Ну и как? – спросил Умойя Омубе. Его рот был сама свирепость. Глаза гипнотизировали, как дуло двустволки. Все будет хорошо, только отдай Карту. Отдай Карту, и эти страшные глаза исчезнут, отдай Карту, и Умойя Омубе оставит тебя в покое. Отдай Карту, и ты не будешь умирать в муках, отдай Карту и возвращайся в свою ничтожную жизнь, возвращайся в свой офис.

– Нет! – крикнул Земба страшным голосом и с нечеловеческой силой дернул затвор. Погнутый патрон вылетел и на его место плавно вошел следующий.

– Ты выбрал, – просвистел мужчина, отвернулся спиной и отошел. К чертовой матери все эти вестерны и все это не-стре-лять-в-спи-ну. Земба поднял карабин к плечу и нажал спусковой крючок. Оружие оглушительно выстрелило, и Умойя Омубе, различимый сквозь блеск оранжевого огня, широко раскинул руки и внезапно разлетелся бесформенной тучей черных ошметков, стайей небольших птиц, которые исчезли среди пустынной ночи.

Вдали, там, куда Земба выстрелил, показались огни машины. Мощный рефлектор справа и несколько галогеновых лампочек на крыше, которые горели как-то несимметрично; похоже, в части освещения были перепутаны лампочки; выдавший виды, запыхавшийся грузовик двигался из темноты прямо на Зембу, который беспомощно стоял с дымящимся М-14 в руке и абсолютной пустотой в голове. Люди! Спасение!

В лагерь он пришел с разбитым ртом, полным крови с ее солоновато-металлическим привкусом, и руками на затылке. Команда стояла испуганной тесной группой, подгоняемая неграми. Было их восемь или девять. На них были самого разного вида спецовки, головы обмотаны клетчатыми арабскими платками. Они абсолютно не походили на отряд спасателей. Были вооружены.

Ими руководил черный как сажа невысокий приземистый человек с густой щетиной на лице. На нем была зеленая кубинская кепка и защитные очки в резиновой оправе. Он говорил на чужом, каком-то гортанном наречии, которое звучало не как суахили, а суахили у Зембы был уже на слуху. Одно слово звучало понятно и страшно, как приговор. Слово, которое повторялось почти в каждом предложении главаря: «Африкаанс».

Земба посмотрел на взятый напрокат в Йоханнесбурге «лендровер» своей группы, который ярко горел южноафриканскими регистрационными номерами.

Африкаанс. Африканеры. Граждане Южно-Африканской Республики. Белые посреди пустыни с машинами прямиком из ЮАР. Независимо от того, к какой организации принадлежали эти типы, если вообще к какой-нибудь принадлежали, они были черными. Это могло означать только одно. Смерть.

Один из боевиков передал товарищу оружие и энергично вскочил в кузов пикапа, после чего выкатил из него, пиная ногами, почти два десятка автомобильных покрышек. Земба почувствовал, как леденеет тело. С остановившимся взглядом и окаменевшим лицом он смотрел, как в их сторону катятся покрышки, как этот тип спрыгивает с кузова машины, держа в руках две чавкающие канистры с бензином.

В мертвой тишине Крицкий осел на землю, осел мягко, как куртка, которую нечаянно уронили; веки у него дрожали, а под ними виднелись белки закатившихся глаз.

– О боже! Живые факелы! – пробормотал Стефан угасающим голосом.

Это очень популярный в Южной Африке метод политической борьбы. Нужно взять кого-то с противоположными взглядами или в футболке не той, что надо, и надеть на него три-четыре старые покрышки. Покрышки не очень хотят пролезать через плечи, поэтому нужно применить силу, надеть, сдирая кожу и калеча обвиняемого проволокой, которая вылезает из резины. Надетая покрышка очень хорошо сковывает движения, намного лучше, чем смирительная рубашка. Ее невозможно снять, можно только разрезать. Она сдавливает плечи и грудную клетку, подобно кольцам анаконды. Ты не можешь дышать. Затем берется канистра с бензином и ее содержимое выливается обвиняемому на голову. От бензина у тебя слипаются волосы, он ест глаза и попадает в рот. Ты давишься им и кашляешь вонючим топливом, вся кожа моментально высыхает и горит под пленкой холодной испаряющейся жидкости. Одежда намокает до носков. Бензин хлопает в ботинках. Выедает глаза, но в этот момент ты не обращаешь на это внимания, потому что больше похож на ошалевшее от паники животное. Ты орешь во все горло ужасным нечеловеческим голосом, от которого седеют деревья, от которого сам Бог мог бы сойти с ума. Ты воешь, не обращая внимания на то, что жидкость попадает в рот, жжет вытаращенные глаза, которые ты не можешь закрыть ни за какие сокровища в мире, потому что тогда ты потеряешь самую лучшую часть зрелища. Вот твой политический противник отставляет канистру и срывает пучок желтой высохшей травы. А в Африке вся трава желтая и высохшая. Оппонент скручивает пучок в солидную веревку, такую толстую, чтобы горела как следует и не погасла сразу, но одновременно чтобы была достаточно плотная – ведь он же не хочет обжечься. В этом климате ничего нормально не заживает, а сразу гноится. Особенно ожоги. Он слишком занят, чтобы слушать твои крики и как следует их оценить.

Потом он достает зажигалку, обычную банальную одноразовую зажигалку, и в этот момент становится твоим богом. Ты обожаешь его. Ты бы сделал для него абсолютно все. Все. Конечно, даже не за то, чтобы он освободил тебя от покрышек и разрешил смыть бензин. Даже милость божественных существ имеет свои границы. Ты сделаешь все только за то, чтобы он

просто проломил тебе голову мачете. Глупость людей, которые убегают от чего-то такого красивого и почти безболезненного, как несколько пуль, выпущенных из автомата Калашникова, кажется тебе непонятной. Факт, что ты заслуживаешь смерти, для тебя очевиден и естественен – ты ведь, в конце концов, поддерживал этого дьявола Мобуту. Ты ведь, в конце концов, и правда надел не ту, что нужно, футболку. В конце концов, родился не в том, что надо, племени. Ты только умоляешь его, чтобы он просто расправился с тобой оружием. Чтобы застрелил из проржавевшей винтовки. Чтобы задушил проволокой.

А потом твой тощий бог, одетый в порванные кеды, грязные мешкообразные шорты и дырявую футболку, поджигает пучок травы.

Твой крик вырастает на октаву. Теперь ты орешь так высоко, что раньше такие звуки казались невероятными. Твои возможности ограничены. Ты можешь только перевернуться и метаться, можешь пытаться катиться, ведь, в конце концов, на тебе покрывало. Ты можешь, если на самом деле крепок духом, разбить себе голову о твердую африканскую землю. К сожалению, надетая на тебя покрывало представляет собой прекрасную мягкую защиту.

А потом тебя поджигают.

Боевик с канистрами поставил емкости на землю и посмотрел на кучей валявшиеся вокруг шины. Крицкий лежал на земле, подтянув колени и раскинув в стороны руки.

– Боже, только не это!

– Богородице Дева, радуйся...

– Это невозможно, Стефан, скажи им, что мы поляки! Господи, ведь они думают, что мы из ЮАР!

– Заткнись, блин, это еще хуже. Поляк у них убил какого-то коммуниста... нас сожгут, Господи всемилостивый, сожгут...

– ...и благословен плод чрева Твоего яко Спаса родила... Господи!.. Я не помню дальше, Господи, не помню.

– Моя камера! Я хочу умереть как журналист, где моя камера?!

– Закрой рот! Нас сожгут, господа, нас сожгут!

Ожеховскому было сорок восемь лет. Видный мужчина с седыми висками и седыми усами. Он не был женат, оператором работал всегда. Никогда не сдавался. Видимо, до него дошла простая правда о преимуществе пули перед пожирающим тело пламенем горящего бензина, и иллюзия, которая велит людям покорно идти к месту казни в надежде, что все это происходит не взаправду, что это только шутка, что ее исполнители оценят послушание, – эта иллюзия прекратила для него существовать.

Он перестал бредить своей камерой, растолкал людей вокруг и прыгнул на стоящего ближе всех партизана, схватив ствол его винтовки с самодельным прикладом. Тот, смертельно испуганный, пропищал что-то и отчаянно рванулся. Ожеховский схватился за винтовку и за куртку, как за спасительный корабль посередине Атлантического океана. Черный пытался ударить оператора прикладом, потом ударил его коленом в живот, но был слишком легкий и слишком худой, чтобы это к чему-то привело. Некоторое время они тузились, словно дети, которые отбирают друг у друга игрушки, а потом их предводитель вынул пистолет и подошел к ним, намереваясь приставить ствол к виску поляка и одним выстрелом закончить эту несмешную сцену, но Ожеховский вскочил на ноги и закружил партизаном в воздухе, заслоняясь им от главаря и от его пистолета. Остальные боевики, размахивая карабинами, орали как сумасшедшие, но никто из них не мог найти удачной позиции для выстрела. Прошло несколько секунд этой идиотской патовой ситуации, пока наконец-то один из партизан не оказался сзади Ожеховского и не ткнул его прикладом по голове.

Черные не переставали вопить. Это была обычная беспорядочная перепалка. Ожеховский рухнул на землю, но тут же сгруппировался и встал на ноги. Качался, по его щеке ручьем

текла кровь, взгляд был затуманен, но он встал. Не так уж и легко довести человека до бессознательного состояния. Не так легко, как показывают в кино.

Земба дрожал. Он трясся как лист осиновый, у него зуб на зуб не попадал, колени ходили ходуном, он абсолютно не мог совладать с собой. Такой страх называют звериным, но, наверное, только люди могут бояться в такой степени. Это был не тот страх, который когда-то ежедневно мучил его. Он был дикий, непонятный, уходящий в глубину веков. А еще Земба боялся потому, что знал: он должен сдвинуться с места и сделать что-то, потому что только он может это прекратить. Он стронется с места, и тогда его застрелят. Если сделает то, что ему хочется больше всего – свернуться в клубочек и потерять сознание или впасть в кататоническое состояние, – их сожгут. Чтобы позабавиться. Не как эпизод в какой-то большой войне, не по каким-то веским причинам, а просто от нечего делать. Во имя Умойя Омубе, для которого даже смерть была низкой, приземленной, случайной и глупой. Он должен подойти. Нечего раздумывать, потому что иначе он не решится. Как перед прыжком в ледяную воду. Четыре, три, два, один... Давай!

Секунды между глухими ударами испуганного сердца, которое било, подобно бою поминального колокола, превратились в вечность. Он преодолел дрожь в ногах, тяжесть одеревеневших мышц и сделал шаг вперед. Никто не обратил на него внимания, все были заняты Ожеховским, который снова лежал на земле. Земба осторожно поднял ногу и переступил через тело все еще лежащего без чувств Крицкого. Из полуоткрытого рта звукооператора вытекла полоска слюны и темным пятном впиталась в пыль пустыни у щеки. Земба сделал еще один шаг. Он протиснулся между беспомощно стоящими коллегами и вышел на открытое, залитое резким светом фар машины пространство между пленниками и стоящими кругом, что-то орущими нападающими.

Они его заметили. Раздался непонятный крик. Предостережение или приказ. Еще один шаг. Щелчок предохранителя. Двойной металлический лязг патрона, продвигающегося в патронник. Последнее универсальное предупреждение, понятное на всех языках. Он проигнорировал все, явственно видя, как его охватывает гулкая темнота. Только в центре поля зрения осталось пятно света, в котором было видно лицо главаря. Темно-коричневое, блестящее от пота, с жуткими белками глаз, черная щетина, совершенно не похожая на небритость у белых, окружала рот и на подбородке походила на стелющийся мох. Мелкие капельки пота оседали в этих волосах и блестели, как кристаллики. Раздувшиеся от бешенства широкие ноздри придавали лицу выражение жуткой ярости.

Еще один шаг. Я сейчас умру. Теперь нужно сунуть руку в карман. Медленно, очень медленно, чтобы не вызвать внезапной реакции. Внезапного града горячих обжигающих пуль, которые в секунду изрешетят его. Но необходимости не было. Он начал опускать одеревеневшую руку в карман рубашки и почувствовал деликатное, все усиливающееся прикосновение к внутренней части вспотевшей ладони острого жесткого края Карты. Главарь орал, брызгая слюной, а Земба протянул Карту в его сторону. Прямо ему в лицо.

Негр не отреагировал. Он толкнул Зембу в плечо, отталкивая назад, и вырвал Карту у него из рук. Он на нее не смотрел.

ОН НЕ СМОТРЕЛ НА НЕЕ.

Он должен был посмотреть, но она его абсолютно не интересовала. Он поднял пистолет, издававший виды «уэбли», который помнил еще Тобрук, и приставил ствол ко лбу Зембы. Прямо посередине. Оглушительно, как отголосок сломанной кости, прозвучал треск предохранителя.

Но потом любопытство победило, и мужчина посмотрел на кусочек пластика в своей ладони. Мельком, просто бросил взгляд. Этого оказалось достаточно. Холодное обжигающее металлическое давление курка ослабло. Бандит заморгал глазами и слегка отвел голову, словно в глаза ему бил свет. А потом уставился в Карту, поворачивая рисунок в разные стороны.

– Я тебе заплачу, – по-польски произнес Земба, с трудом выговаривая слова пересохшим горлом. Кровь в висках стучала с такой силой, словно он проглотил собственное сердце. – Проводи нас к оазису. No Afrikaans. Bolando. Polonia. – Он с усилием импровизировал, улыбаясь так, словно на лице была глиняная маска. – Fuck apartheid.

Негр беспомощно опустил руку с оружием. Подняв высоко брови и наморщив лоб, смотрел то на Зембу, то на Карту, и лицо его выражало тяжелый интеллектуальный выбор.

– Поляк? – Он посмотрел на Карту, явно стараясь собраться с мыслями. – Валенса? Валенса хорошо, Валенса – Мандела.

– Yes, – промямлил Земба ошарашенно. Уже что-то. Негр спрятал пистолет в кобуру, потом как-то неуверенно отдал Зембе Карту и вдруг по-приятельски потрепал его по плечу.

Земба уже не видел, ни как главарь орет на своих людей, показывая на стоящую с поднятыми руками дезориентированную команду, ни как негры вдруг опускают оружие и, смеясь, поднимают с земли побитого оператора и отряхивают от пыли его одежду. Он потерял сознание.

– У него было птичье лицо? – спросил Стефан.

– Или маска, или какой-то рисунок на лице. Я не уверен. Было темно. Он выглядел ужасно. Сидел на камне, скорее присел на корточки, но как-то странно. Говорил со мной по-польски.

– Белый?

– Скорее нет. Трудно сказать, я же говорю тебе – я не видел отчетливо, но скорее всего он выглядел как черный, если вообще был человеком.

– А кем еще?

– Не знаю. Я выстрелил в него, и тогда он исчез.

– Если бы ты выстрелил секундой раньше, попал бы прямо в лицо этому черному Яносику. Они как раз в этот момент спустились с дюны, и ты разнес им фару на крыше. Тут бы и сто карт не помогло.

– Господи, нам и так подфартило. Нас могли сжечь. – Крицкий точно не слышал, о чем шел разговор – густой от песка ветер заглушал все. «Ленд-ровер» колыхался, двигаясь за полоторкой несостоявшихся палачей, направляясь в сторону оазиса Ситакве. Звукооператор наклонился в сторону сидящих впереди Стефана и Зембы. У всех тряслись руки, они чувствовали себя слабыми, словно младенцы, потому Крицкий и не удивился тому, что никто не поддерживает разговор. Он отреагировал словесным потоком, в энный раз говоря о том, как им подфартило. Земба молчал, потому что предчувствовал самое ужасное. Умойя Омубе проиграл сражение, но война продолжалась. Что дальше? Метеорит? Гром с ясного неба? Авиакатастрофа? Теперь его ожидала жизнь с оружием в руке, проверка каждого стула и каждого темного угла. Это еще что! Глупости по сравнению с жизнью, которую он вел, когда был заблокирован. А может, крокодилы? Дырявая лодка?

Но ничего из этого не произошло.

– Мы, конечно же, должны провести еще некоторые обследования, – произнес врач ровным, неестественно спокойным голосом. Все в порядке, ты в хороших руках, господин профессор является самым лучшим специалистом, и это очень дорогая клиника. – Однако я хотел бы поговорить с вашей женой.

В первый момент было такое чувство, как тогда, когда ты посреди Калахари встретился лицом к лицу со своим заклятым врагом, со своей немесидой. Как тогда, когда несколько предназначенных для него рубашек смертника из старых покрышек с грохотом рухнули на рыжий песок пустыни. Как тогда, когда в Сараево он стал личной целью сербского снайпера. Как тогда, когда над Конго заглох мотор допотопной «сессны» и самолет начал просто с боковым ветром

лететь в сторону водопада Кириньяга. Это как кипятком в лицо – лед во внутренностях и внезапно оцепеневшая кожа. Тот миг, когда разум уже знает, а душа все еще надеется. Минута, когда врач уже не хочет разговаривать с тобой, а хочет побеседовать с твоей женой, потому что ты уже перестал быть человеком. Ты стал мясом на операционном столе, которое потрошат, шпигуют реактивами, перевозят как предмет. Мясо не имеет права ни жить, ни иметь человеческое достоинство. Оно должно лежать на полке и безразлично ждать следующих манипуляций. Зембе казалось, что он должен услышать язвительный свист зулусского демона, который теперь представлялся далеким и неимоверно экзотическим. Смерть от руки взбунтовавшегося бантустана или от пули снайпера вдруг показалась притягательной, но было уже слишком поздно, он превратился в больничное мясо. Предметом тяжелой неблагодарной работы санитарок.

– Я бы хотел, чтобы вы сначала поговорили со мной. Я взрослый.

– Пока еще ничего определенного...

– Но моей жене вы, господин профессор, хотите что-то сказать. Я плачу вам достаточно, чтобы услышать несколько правдивых и искренних слов.

– Да, но... Конечно же. Пока ничего определенного, но у вас очень сильный скачок, более девяноста, опухшие лимфатические узлы. Постоянно повышенная температура, сухой кашель, вы харкаете кровью, ну, и рентген, и томограф... одним словом, у вас нет никакой африканской болезни. Мы исключили СПИД, лихорадку Эбола, сепсис, Марбургскую болезнь, чуму и другие. Опасаюсь, что у вас новообразование в легких. Все указывает на то, что состояние неоперабельное. Мне очень жаль.

Конечно же. Ему очень жаль, а я умираю. Умираю. Не хотел умереть в пустыне, так умру на больничной койке, лишенный человеческого достоинства, голый, обосранный и скулящий от боли. Можешь послать в жопу всех самых лучших специалистов. Рак легких – это приговор, и вы прекрасно это знаете. Господи, мои легкие загнивают! Смерть.

Дальше как в учебнике. Сначала бунт. Бешеный спор с Богом, пена у рта, истерия. Усмиряющие боль наркотики. Вода. Потом отчаяние. Черные, полные слез, боли и разрывающей душу печали дни, от которых несло могильным смрадом. Уходящие в бесконечность, находящиеся где-то между бегством и очередными манипуляциями, болезненными и отвратительными. Потом безразличие и глухая депрессивная беспомощность. А потом больницы было уже не избежать.

Он и вправду стал мясом. Безразлично смотрел в потолок, слушая шаги в коридоре, последние бессонные дни проходили в невыносимо долго тянущихся приступах ужасной боли, которая превращала Зембу в кусающееся животное. Когда его навещали, это было похоже на какие-то растянувшиеся в бесконечность поминки. Родители упрекали в том, что он курил, и рекомендовали все новых врачей. Детям было скучно, и они баловались. Они были ходячим воплощением жизни, и, глядя на них, сердце обливало кровью. Оля была красива как никогда, и ему хотелось выть, глядя на нее. Она существовала в мире и была человеком. Он же стал мясом. Без права на секс, без права на любовь и жизнь. Он умирал. Умирание было болезненным и скучным. Он не мог даже смотреть телевизор, ведь все, что там показывали, будет жить и продолжит существовать тогда, когда его уже не будет. Земба предпочитал делать вид, что весь мир уйдет вместе с ним.

Он постепенно становился зомби. Живым ходячим трупом. Напоминал скелет. От него разило трупным запахом. Он разлагался. По коридору ходил так же, как и другие живые трупы, осторожно катя стойку с капельницей, словно опасался, что части сгнившего тела начнут отваливаться от костей.

Ночь в больнице – самое страшное. Особенно в обычной городской больнице, в которую его перевели под присмотр очередной медицинской знаменитости. Ему бы больше пригодился бальзамировщик. В этой новой больнице все было старое, грязное и изношенное. Стены, кро-

вати, тарелки, кафель и санитарки. Он лежал на провалившемся стеганом матрасе, покрытом клеенкой, от которой у него прела кожа, и сквозь кислородную подушку смотрел на жирное пятно на стене. В носу торчала одна капельница, другая – в предплечье, с пениса свисал катетер и к провалившейся груди грязным пластырем были приклеены датчики. Он уже даже дышал не как человек. Лежал в полумраке, мертвенно-бледный свет галогеновых лампочек падал на лицо, сквозь толстый слой кислородной подушки он слышал электронное пиканье собственного организма и эхо возбуждающего хохота санитарок. Каждый раз мытье и дефекация становились кошмаром. Он был мясом. Смотрел на жирное пятно на стене.

Пятно было большое, разветвленное и величественное. С размазанными подтеками и каплями. Желто-коричневое на грязно-желтой стене. Это было самое важное в мире пятно, его единственная картинка и одновременно последняя, которую он увидит и заберет с собой, запечатлев на веках, на тот свет. Иногда оно выглядело как покрытое листьями дерево, перекрученное и карликовое, прекрасное для виселицы, растущее в какой-то заброшенной глухомани. Иной раз напоминало скачущую галопом лошадь с развевающейся гривой, с бешенством в глазах и дико ощерившимися зубами. Через несколько дней пятно, как это обычно бывает с пятнами, если в них всматриваешься слишком долго, превратилось в лицо.

Почти каждое пятно, случайное сочетание листьев, света и тени, скрывает лицо. Лица в профиль, лица с чертами, очерченными глубокой тенью, как на контрастной фотографии, лица насмешливые, лица гротескные, лица карикатурные. Так работает мозг. Он так запрограммирован на распознавание лиц, что непременно распознает их в каждой случайной форме, если у него нет других стимулов. У мозга Зембы их не было.

Лицо его пятна было исключительно пакостным. Лисьим, хитрым и пакостным. Волосы зачесаны назад и напмажены бриллиантином. Мужчина неопределенного возраста, скорее молодой, типа альфонса. Черные овальные очки, рот, словно след, прорезанный бритвой, растянут в издевательской улыбке. На лице признаки психопатической жестокости. Они часами смотрели друг на друга сквозь толщу пластиковой кислородной подушки, и Земба всей душой стал его ненавидеть.

Он был абсолютно уверен, что это не то лицо, которое ему хотелось бы забрать с собой на тот свет вместе с умирающей лошадью и засохшим деревом, но выхода не было. Мужчина высокомерно смотрел со стены на затянувшуюся агонию и улыбался с презрительным высокомерием, окрашенным удовлетворением. Полная страдания бесконечная ночь в больнице тянулась в тишине, прерываемой кашлем, храпом и попискиванием аппаратуры. Санитарки напились или просто пошли спать и наконец-то утихомирились. Боль тоже затихла и была бы вполне сносной, если бы не гипнотизирующий взгляд злобно радующегося сукина сына на стене.

Земба хотел открыть глаза, хоть и знал, что может увидеть только старый железный шкафчик и стакан с жидким чаем. Но все же и так лучше, чем этот взгляд. Он хотел смотреть на что-нибудь другое, но не мог. Пытался увидеть лошадь или дерево, но не мог. Пытался воссоздать перед глазами горящие королевскими красками пейзажи Африки или кристальные башни Токио, но все куда-то пропало, сделалось нереальным, серым и сыпучим, как пепел. Человек на стене становился все более выразительным, импрессионистский портрет превратился в четкую фотографию, изображение росло, увеличивалось, гипнотизировало, пульсировало среди изменяющегося и все заполняющего тумана. Земба беспомощно лежал, сжимая сухие, как веточки, руки, и смотрел. Он даже не заметил, как мир вокруг переменялся. Перемены произошли мягко и постепенно, как прорастание травы, как движение песка в песочных часах.

Это была все та же больничная палата, все вокруг было такое же, ширма висела на погнутом старом основании, отделяя мир живых от мира мертвых, тумбочка и стакан с чаем, стойка с экранами, стена с пятном. Но все выглядело иначе, словно Земба видел только отражение

предметов в каком-то мертвом зеркальном свете, где существует лишь темная сторона. И лицо на стене господствовало надо всем, светясь, словно чудесное явление родом из ада.

А потом лицо стало выпуклым, словно барельеф. Земба дернулся на кровати, и монитор отозвался внезапной какофонией попискиваний, вычерчивая на экране острые тревожные графики. Появился нос, острый, как плавник акулы, покрытый отваливающейся штукатуркой, но реальный; крылья носа были вывернуты, словно раздутые конские ноздри, узкий рот разрезал вытянутое лицо, злобная ухмылка стала еще противнее. Потом из стены выплыл острый кадык, штукатурка потрескалась, обрисовался торс, плечи и ноги в ботинках с острыми носами.

Земба лежал, потеряв дар речи от страха, он не мог ни повернуться, ни закричать, ни убежать или потерять сознание. Невероятно, но даже человека, который уже приговорен и понял, что в жизни его ничего не ждет, кроме агонии и смерти, можно ввести в такое оцепенение, что ему будет нестерпимо в собственном теле. Немесида продолжала отделяться от стены, пробивая телом штукатурку и краску, словно поверхность воды, а Земба изо всех сил старался потерять сознание. Или хотя бы умереть, если иное невозможно. Впервые в жизни смерть показалась ему относительно безопасным выходом. Но оказалось, что его может ждать что-то еще страшнее.

Человек Со Стены показался целиком. Дрожа как в малярии, Земба предпринял героическое усилие встать, после чего зашелся в болезненном свистящем кашле, который вновь свалил его на мокрую от пота подушку.

Человек подошел, стуча каблуками, и стал перед ним, а потом одним движением сорвал с него кислородную подушку.

– Ну, и как мы себя чувствуем? – спросил он. В эту минуту Земба должен был определенно потерять сознание, но не знал, как это сделать. Человек Со Стены бросил на пол кислородную подушку, превратившуюся в кусок бесполезного пластика; искусственное легкое захлебнулось спазматическим дыханием, кислород ядовито свистел, наполняя воздух запахом металла. Датчики завывали электронными голосами, возвещая тревогу. Земба подергивался на кровати, кашляя и задыхаясь, а Человек Со Стены прохаживался по палате, как страшная карикатура врача. На нем был даже грязный белый халат, будто он пришел на обход или навестить больного. Он сорвал с изголовья кровати карту больного и стал изучать ее, понимая кое-что, а потом поднял взор на синеющего Зембу.

– Прекрасно, – произнес он. – Обожаю больницы и хорошо продуманные болезни. А это, – он помахал рамкой со вставленной в нее историей, – это шедевр. Просто генетическая бомба с часовым механизмом. – Он присел на кровати Зембы идохнул ему прямо в лицо трупным запахом. – Она пожирает тебя изнутри, она вписана в структуру каждой клетки. Распространяется как пожар или как сумасшествие. Сумасшествие прекрасно! Что с тобой? Ты задыхаешься? – Он потянул к Зембе крючковатую худую ладонь, схватил все провода в кучу и выдернул их одновременно. Монитор захлебнулся в отчаянном писке. Человек Со Стены встал и с силой ударил по нему кулаком. Аппарат замолк. Земба вытянулся и застыл.

– Ну же, перестань, – недовольно произнес Человек Со Стены. – Мы еще не закончили разговор, кроме того, я пришел к тебе, и ты не уйдешь так просто, не попрощавшись. Так нельзя относиться к гостям.

Он прижал два пальца к устам, словно хотел дать благословение, а потом вдруг скорчил презрительную гримасу и стукнул этими пальцами Зембу по лбу. Больной дернулся, словно пораженный электрическим током, и внезапно сел на кровати. Некоторое время он тяжело дышал, прижимая ладонь к груди, а потом вдруг замер. Его дыхание становилось более свободным и словно осторожным. На обезображенном болезнью лице появилось выражение недоверия.

– У меня к тебе дело, – заявил Человек Со Стены. – И я предпочел бы, чтобы ты не мешал разговору своим рассыпающимся организмом. Как тебе дышится?

– Кто... – слабо пробормотал Земба.

– Это не первый мой разговор, потому я не буду отвечать на банальные вопросы. Мы же не в кино.

Вдруг он перевернулся на кровати, перекидывая над Зембой худую ногу, на ковбойском ботинке блеснула подкова и чешуйчатая змеиная кожа, после чего он уселся на грудь больного и схватил его за горло.

– Это честь – говорить со мной, урод ты недоделанный, – просвистел Человек Со Стены. – Я редко снисхожу до того, чтобы разговаривать с низшей расой. Я знаю все твои вопросы и ответы, потому это и скучно.

Он с вождением облизал губы и захохотал. Вблизи его лицо казалось совершенно живым, были видны мелкие волоски на щеках, у него не было обычной щетины, потому он немного походил на девушку. Гермафродитоподобный сумасшедший демон со стены. Он словно услышал мысли Зембы, снял очки, демонстрируя черные, как уголь, зрачки и ослепительно блестящие, почти фиолетовые белки. Поправил волосы и кокетливо посмотрел отрепетированными дамскими движениями.

– А сейчас послушай. Все идет по плану. Все гениально придумано и запланировано. Этот мир на сто процентов материален, понимаешь? Наука и статистика. И ничего больше. Ничего, понимаешь? Никакой надежды. То, чего ты не понимаешь или что не случается согласно статистике, того не существует, мерзавец! Медицина, физика, математика и статистика. Вот этого ты и должен держаться, бритый ты павиан! Это и есть твой мир! То, чего нет, то мое! Такая система существовала всегда, и не тебе ее менять. Чудес нет, нет ни ада, нирая, ни меня, но прежде всего, нет никаких гребаных Карт. Никакого мистического чертова сохранения равновесия. Нет. Если у тебя не складывается жизнь, то лишь потому, что ты – гребаный неудачник. Ноль. Увечный психологический экземпляр. Дерьмо. Отброс. Не умеешь заработать кучу бабок, значит, у тебя их не будет. – Он сжал щеки Зембы в клювик и потряс ими. – Ты не заслуживаешь бабок, ясно? Не умеешь – подыхай. Так гласят естественные науки. Гниющие останки должны упасть на дно и стать тиной. Ни один мерзавец не будет идти против течения обмена веществ, размахивая чудесами.

– Ты галлюцинация, – произнес Земба слабым, высохшим голосом, похожим на шелест листьев под ногами ноябрьской траурной процессии.

– Наконец-то, – обрадовался Человек Со Стены. – Наконец-то начинаешь понимать, о чем речь. Дай мне Карту, и мир вернется на свое место. Галлюцинации останутся галлюцинациями, чудеса вернутся в сказки и, – фыркнул он, – в Библию. Ты сможешь даже еще пожить. Мы закончим эту сцену и позволим ей остаться кошмаром, который утром рассеется. Ну, давай Карту, и перейдем к этому: «А утром оказалось, что все это было только сном». Ну что?

– Отойди от меня, сатана, – простонал Земба. – Ego te exorciso...

– О, в зад тебя! – разозлился Человек Со Стены. – Кем ты себя считаешь? Великим святым? Мы не будем в такой манере разговаривать! Еще раз. – Он слез с Зембы, схватил его за грудки и одним рывком поставил на ноги. Больной рефлекторно расставил в стороны руки, убежденный, что еще минута, и он беспомощно рухнет на серый больничный линолеум, но, несмотря на внезапно обмякшие ноги, Земба смог удержаться в вертикальном положении. Странно, но у него ничего не болело, он оставался удивительно спокоен, как будто получил приличную дозу транквилизатора. Все казалось ему каким-то далеким, банальным и не рождало эмоций. Он разговаривал с демоном, а может, и с дьяволом, а может, у него просто были галлюцинации. Ну и что с того? Мало ли странных вещей на свете?!

Человек Со Стены прижал большой палец к его лбу, и показалось, что это от этого пальца текло все безразличие к происходящему кошмару и вся сила, которая держала Зембу на ногах. Палец был твердый, сухой и холодный, словно мертвая ящерица.

– Начинаем с начала, – произнес Человек Со Стены. – Существою ли я?

– Нет, – безразлично сказал Земба. Внезапный приступ так знакомой боли в долю секунды скрутил его в клубок воющего страдания. Раздался треск, и между лбом и прижатым к нему большим пальцем вдруг появился фиолетовый отблеск электрического разряда, который прижимал Зембу спиной к стене. Он рухнул на пол, разбив щеку о спинку кровати. Какой-то аппарат с гулким металлическим грохотом упал со стеллажа.

– Неправильный ответ, – строго произнес Человек Со Стены. – Ты бредишь, не ведешь разговор. Не думаешь. А мне нужно с тобой поговорить.

Земба некоторое время беспомощно корчился в приступе боли, а потом вдруг проснулся. Он лежал на холодном полу, больной, умирающий, проклятый и оставленный всеми. Перед ним стояло чудовище, и потому весь мир не имел смысла и в нем не было никаких законов или надежды. Его мозг лишь на секунду допустил все это, после чего в нем наступил коллапс. На поле битвы остался только внутренний ребенок, Зембе в этот момент было четыре года. Он свернулся клубочком у стены и, уставив безжизненный взгляд в бумажки и лежащую под кроватью пыль, расплакался.

– Эх, люди-люди, – с жалостью произнес Человек Со Стены. – Если бы в вас было столько силы, сколько помещается страдания, то вы бы были равны богам. Великолепно. Самые прекрасные игрушки, какие только можно себе представить. Столько боли! Вижу, что мы так не договоримся. – Он взмахнул ладонью, и Земба очнулся от забытья так внезапно, словно надувной жилет выбросил его на поверхность действительности. Он перестал плакать, но со свистом вдохнул воздух и начал дергаться.

– Приглашаю, – сказал Человек Со Стены, повернулся, скрипнув каблуками, и толкнул стеклянную дверь в коридор. Земба встал, как зомби, и пошел за ним. Он не знал зачем.

Больничный коридор выглядел странно и незнакомо, несмотря на то что оборудование и все таблички в нем были те же самые. Казалось, они тут одни. Раздавался лишь резкий металлический стук каблуков Человека Со Стены и тяжелое свистящее дыхание Зембы.

В маленькой комнатухе за приоткрытой дверью сидел одинокий санитар, дремавший перед бегущим экраном включенного телевизора. Человек Со Стены остановился, посмотрел на санитаря с хищной злой ухмылкой, которая начертала на его лице зубастую «V». Толкнул стеклянную дверь и вошел внутрь. Санитар не отреагировал. Он по-прежнему сидел на неудобном металлическом стуле, далеко вперед вытянув ноги и борясь с падающей назад головой и закатывающимися глазами, сидел и смотрел в свистящий пустотой экран телевизора, который не мог выключить. Земба изо всех сил хотел предупредить его, но у него не было голоса. Мужчина на стуле выглядел как-то неестественно, словно тень или призрак, и трудно было сказать, в чем тут дело.

Человек Со Стены, подобно иллюзионисту, сделал какое-то сложное движение ладонью, и вдруг в его пальцах заблестела бритва цирюльника. Он замахал перед лицом санитаря, но тот не отреагировал. По-прежнему боролся с гормоном сна в своей крови. Прошла, может, минута, и вдруг санитар окончательно сдался. Как раз в тот момент, когда он уснул, он сделался отчетливым и реальным, словно плавно прибыл в мир, где пребывали Земба и Человек Со Стены и в котором безлюдная больница плавно плыла в свистящей мерцающей тишине.

И тогда он увидел наклоненное над ним лицо убийцы, светящееся ультрафиолетовыми белками глаз и ледяной чернотой зрачков. Увидел улыбку акулы. Увидел когтистую ладонь с покрытыми лаком ногтями, которая схватила его за волосы, рывком поднимая лицо вверх, увидел лезвие старой бритвы цирюльника, которая растеклась в свете галогеновых лампочек в ртутный месяц и на минуту утонула в его горле. Человек Со Стены отпустил волосы своей жертвы и отскочил в сторону. Фонтан черной крови ударил в горящий серебристым лунным светом свистящий экран небольшого телевизора, на серовато-зеленые масляные панели и потрепанный антитабачный плакат. Санитар вскочил, сжимая пальцы на скользком, бю-

щем кровью краю раны, и издал булькающий свист. Он поскользнулся на собственной крови, рухнул на пол и обмяк.

– Проснулся, – сказал Человек Со Стены, облизывая лезвие. – Жаль.

Санитар опять сидел на стульчике, потряхивая с недоверием головой, и снова стал нереальным.

– Завтра он почувствует себя плохо, – с удовлетворением произнес Человек Со Стены, складывая лезвие бритвы. – Не позднее чем через две недели пойдет к врачу и услышит что-то новенькое. А он был уверен, что с ним этого не случится, потому что он никогда не курил. Что за нахальство! Идем!

Он спрятал бритву и, грохоча каблуками, пошел дальше по коридору, а Земба безвольно поплелся за ним. Он не знал зачем. Должен был идти.

Человек Со Стены толкнул следующую стеклянную дверь, на сей раз на лестницу, и направился вниз. Земба маршировал за ним, стараясь собраться с мыслями.

Они спускались все ниже и ниже, этаж за этажом, проходя мимо стрелок, указывающих на аварийный выход, и примитивного граффити, начертанного на штукатурке толстым фломастером. Где-то в отдалении загромыхал лифт, но, не считая этого звука, царила глухая нереальная тишина. Человек Со Стены толкнул следующую стеклянную дверь и пошел по подвальному коридору с мерзкими белыми кафельными плитками на стенах. У стены стояли металлические каталки, напоминающие столы, или это столы напоминали каталки, под потолком с музыкальным напевным звуком загорелись флуоресцентные лампочки. Где-то за стеной шумело какое-то оборудование. В конце коридора виднелась герметичная металлическая дверь с засовами, но идущий впереди Человек Со Стены не обратил на них никакого внимания. Он двигался так, как будто дверь вообще отсутствовала. Раздался лязг, и тяжелая многослойная плита сама выдвинулась на гидравлических шарнирах, после чего мягко отклонилась, выпуская клубы холодного тумана, от которого резко разило чем-то химическим и гниющим.

Они вошли внутрь, прямо в смердящий холод и темноту. Скользкое кафельное покрытие на полу жгло стопы, край металлического стола колот Зембу в бедро, а потом жужжащий ряд флуоресцентных лампочек зажег черточки в остеклевенных глазах заполнявших столы посиневших и окоченевших трупов. Сомнения нет. Это был не сон. Человек Со Стены отвернулся и внезапно стукнул ладонью по груди лежащего поблизости трупа. Раздался пустой деревянный звук, и в воздух поднялось облако какой-то пыли.

– Ну что ты такой неподвижный? – весело рявкнул он в сторону Зембы. – Поздоровайся с друзьями!

Земба посмотрел на него отстраненно и презрительно фыркнул. Тот отвернулся и уперся руками в кафельные стены, словно хотел раздвинуть их. Стена треснула по вертикали, вдоль серого цементного шва, разделяющего плитку, впуская в середину полоску ослепляющего мертвенно-бледного света. Трещина расходилась в стороны, обрисовывая форму римской цифры один, а потом части стены развернулись, подобно двустворчатым вратам. Человек Со Стены вошел в освещенную бездну, а Земба, заслоняясь от блеска, безвольно потопал за ним. Свет перестал бить ему в лицо только тогда, когда он оказался на той стороне. На той стороне чего? Стены? Он не знал и уже не задумывался. Возможно, находился по ту сторону света, может, по ту сторону действительности, он знал только, что он на Той Стороне. Всего. Он стоял на каменном полу, окруженный нереальным светящимся туманом, Человек Со Стены куда-то исчез, а Земба впервые смог кое-как собраться с мыслями. Во всяком случае настолько, чтобы попытаться понять и размышлять, игнорируя отсутствие связи того, что он видел, с миром реальным. Туман начинал оседать, клубясь лишь в десяти сантиметрах над полом, но был густой, как молоко.

Вокруг поднимались поросшие сложными узорами колонны, которые где-то высоко встречались и сплетались в перевернутые чаши сводов, похожие на пальмы. Кафедральный

собор. Человек Со Стены, громыхая сапогами, маршировал меж рядами каменных скамеек, он казался еще больше и сильнее, чем минуту назад, полы его почерневшего плаща мягко развевались за спиной, словно пелерина. Земба не заметил, откуда взялся это черный плащ. Он бывал в настоящих средневековых соборах и хорошо запомнил атмосферу строгой, почти нечеловеческой мистики, которая присутствовала в них. От каждого орнамента веяло какой-то суровой магией. Отблеск величия висел где-то высоко под потолком. Сейчас он тоже был в соборе, но этот казался отъявленным богохульством. Земба не знал, в чем это выражалось, но почувствовал тотчас же, как только почуял влажный запах гниющих листьев и обугленного испорченного мяса, поднимающийся в воздухе пародией на кадильный дым.

Он направился вперед, вслед за Человеком Со Стены, который уже дошел до середины нефа и все время рос, становился все более мощным и грозным. Земба поднял глаза на занимающий всю переднюю стену живой шевелящийся витраж, представляющий горящих в кострах извивающихся людей в окружении толпы с лицами, как на картинах Иеронима Босха. Он понял, что может думать достаточно логично. Человек Со Стены, бахвалась своей мощью, перестарался. Вместо того чтобы окончательно напугать, показал, что Земба должен вести переговоры. Человек Со Стены был сама мощь – властвовал над поворотами судьбы, новообразованиями, смертью и, во всяком случае частично, жизнью после смерти. Он мог раздавить Зембу одним пальцем, как комара, но почему же не делал этого? Зачем нужна была вся эта показуха, странные миры за стеной, психоделические соборы? Он привел Зембу на самый край смерти, ему больше ничего не нужно было делать. Генетический пожар, беспощадно пожирающий тело Зембы, все бы довершил за него. А значит, Человек Со Стены должен был с Зембой договориться. Он хотел получить Карту, но не мог взять ее силой. Он не мог также по каким-то соображениям позволить ему умереть. Это явно не решило бы проблемы, то есть ситуация не была безнадежной. Он мог еще из этого вывернуться, если сможет сохранить рассудок и присутствие духа. Он просто-напросто должен был сторговаться с нечистым. Как тот мальчик из сказки, который подсунил дьяволу стальные шарики вместо орехов.

Только и всего. Обмануть чудовище, которое держит в руках жизнь и смерть. Которое сооружает на той стороне мира соборы с извивающимися и дрожащими в муках, худющими, как скелеты, людьми. Для забавы. Или по какой-то другой причине. Земба посмотрел на колонну, которая вблизи оказалась оплетенной восково-желтыми телами, на склеенные чем-то скользким лица, руки и торчащие ребра, готически впавшие грудные клетки, дергающиеся в ритм спазматического дыхания, на отчаянно блестящие поблекшие глаза, которые, умоляя, смотрели на него; услышал вибрирующий в смердящем воздухе безглазый хоральный стон, будто бы голос какого-то сверхзвукового органа.

Обмануть чудовище. Сейчас, стоя перед ним лицом к лицу, – Земба не верил себе. Это невозможно. Можно теоретически разглагольствовать, что легко уничтожить танк гранатой или бутылкой с бензином. Можно думать, что можно обмануть демона. А потом нужно стать напротив прущей на тебя пятидесятитонной машины, увидеть рвущие дерн или корежащие мостовую стальные когти гусениц, мощные швы на месте соединения бронированной обшивки, прикрытые бронированным стеклом смотровые отверстия, дула танковых орудий, дуло двадцатимиллиметровой пушки, огонь, рвущийся из выхлопных труб, услышать рычание турбины и почувствовать, что вот оно, приближается. И посмотреть на заполненную взрывчатым материалом металлическую банку в собственной руке.

Победить чудовище. Обмануть демона. Остановить танк. Это должен был сделать Земба. Уставший больной человек, которому ничего в жизни не удалось. Проклятый в колыбели. Брошенный на растерзание демонов в мире, который оказался только лишь декорацией.

– У вас всегда есть выбор, – загудел под сводом собора голос Человека Со Стены. – Вы всегда его получаете, раньше или позже. Ты можешь подняться ввысь, а можешь идти со мной

вниз. У меня приготовлено для тебя место. Но чтобы выйти, ты должен оставить Карту. Выйди, и будешь жить. Спустишься и служи мне. Твой выбор.

– Откуда мне знать, что ты не врешь? – отчаянно спросил Земба.

– Я всегда вру, – просвистел Человек Со Стены. – Даже когда говорю, что всегда вру.

Философия – прекрасная вещь.

– Ты не можешь взять меня, пока у меня есть Карта.

– Но она моя. Я сам тебе ее дал.

– Ты врешь.

– Я всегда вру.

– Я плачу тебе, – решительно произнес Земба, словно произносил заклинание.

– Ты не в магазине. Отдай Карту, и сможешь уйти.

– Я не верю тебе.

– Ты и не должен, но должен выбрать. Впрочем, что ты теряешь? Ты намереваешься делать какие-то покупки?

В его руке появилась Карта. Он чувствовал приятное, но осязаемое давление ее края, теплую, немного скользкую поверхность. Его Карта. Его талисман. Его защита от мира.

– Я не признаю тебя. Не признаю твоей власти. Я не на твоей стороне. Я хочу, только чтобы ты перестал меня мучить. Оставь меня в покое, оставь мою семью и друзей. До сих пор все было против меня. Я не мог ничего достичь, не мог ни на что заработать. Я был лишен каждого шанса – это твоя работа. Это никакое не соглашение. Если я тебе ее отдам, меня для тебя не существует. Я не отдаю тебе душу, ничего не отдаю тебе, только Карту. Ты оставишь меня в покое – я хочу быть здоров и жить, как все люди: работать, проигрывать и выигрывать. До сих пор я только проигрывал. Только я тебе не верю. Ты всегда врешь.

– Правда зависит от точки зрения. – Голос Человека Со Стены раздался у Зембы за спиной. Он обернулся и увидел своего преследователя, стоящего на пути к выходу. Его лицо пропадало в черном капюшоне, было пятном в темноте. Только мерцающий кровавый свет лизал очертания скул и щеки, когда он говорил: – Можно на это посмотреть и так: ты отдашь мне Карту, а я разорву тебя в клочья – просто так, ради шутки. Только зачем? Более правдоподобно, если ты выйдешь отсюда и проснешься в своей обдристанной постели здоровым как бык. Пуркуа? А потому, что я получу мою Карту и буду доволен. В рамках моих возможностей. Подумай лучше над тем, что будет, если ты не отдашь мне Карту. Подумай над этим хорошенько. Проанализируй ситуацию, в которой мы находимся.

Наступила тишина. Потрескивали огарки свечей, горящие кровавым, коптящим светом, в воздухе разносились усиленные многократным эхом безмолвные стенания.

«Ну, ладно, – подумал Земба. – Отнесемся к этому как к шахматной партии. Сведем к человеческому измерению. У меня в руке снятая с предохранителя граната, у него, скажем, пистолет. Сто пистолетов. Пушка. Лазерное оружие. В разные стороны мы не разойдемся, потому что он меня не отпустит. То, что у меня есть, как-то ему угрожает или мешает. Предположим, я не отдам ему Карту. Граната взорвется. Со мной будет покончено. Со мной уже, собственно, покончено. У него зазвенит в ушах, и ему ничего не достанется. А меня не будет. Или, что еще хуже, я окажусь в его власти. Здесь. В этом ужасном соборе. Нет ничего другого. Нет никакой Другой Стороны. Потому что, если она есть, то почему она не вмешивается? Где мой Ангел-хранитель в бронежилете и с автоматом? Где Другая Сторона? Ведь я здесь один. Я всю жизнь был один. Только я и он. Мой палач. Так что я могу сделать? Поменять орехи на железные пули? Только и всего. Сохранить мои орехи... Если я отдам ему Карту, то, может, будет так, как хочу я. Что ему до этого? Если не отдам – труп. Если отдам...» Вдруг его осенило. Как удар молнии. Он едва не рассмеялся – ведь ему уже не нужна была никакая Карта. Он и так ею не пользовался. Деньги? Мог их зарабатывать и зарабатывал. Впрочем, он уже верил в себя и знал, что справится и без денег. Он уже создал свой шанс и использовал его.

Наладил свою жизнь и мог вести ее сам. У него была цель, семья, которую он любил, фирма, которую он лелеял, и место на земле, которое никто не может у него отнять.

Карта помогла ему создать это место, заставила мир позволить ему жить, но была уже не нужна. Ее ценность равна горсти железных пулек. Он выиграл.

– Предположим, я отдам ее... – Он все еще был в ужасе, потому даже не понадобилось ничего специально изображать. – Ты излечишь меня?

– Предположим, что я пообещаю тебе это – ты мневеришь?

– Мое предположение дает мне больше, чем сохранение у себя Карты, – с необычайным лукавством ответил Земба.

Между его пальцев сочился голубой фосфоресцирующий свет. Он вынул светящуюся, как галогеновая лампочка, Карту. Держал ее между большим и указательным пальцами, словно козырного туза. Туза победы. Противник вытащил из широкого, будто бы сотканного из темноты, рукава руку, ладонь которой уже не была тонкой девичьей ладонью, но узловатой конечностью старца. Только лак на ногтях остался все тот же.

Земба почувствовал, что мир становится на свое место, что остановился космический механизм, замерли чудовищные шестеренки, прекратилось извечное тиканье. Вся его жизнь, и время, и пространство сошлись в одном месте и в одной точке времени. В одной точке. Критической точке. Он протянул Карту. Сухие, искореженные артритом пальцы сжались на другом конце светящегося прямоугольника, слегка запахло паленым, в воздух унеслись тонкие полоски дыма. Земба почувствовал, что Человек Со Стены тянет пластик на себя. Легонько, не для того, чтобы вырвать, а словно проверяя. Достаточно было слегка разжать пальцы, маленькую часть миллиметра. Ослабить давление на пластиковую поверхность. Последняя возможность ретироваться. Последняя секунда перед последним шагом. Время все еще было в одной точке. Он почувствовал, как капли пота катятся по щеке словно слезы. Достаточно лишь отпустить.

И он отпустил.

Ничего не произошло.

А потом, словно взрыв, раздался крик. Короткий пронзительный крик миллиона глоток. И тишина. Космический механизм закрипел и пришел в движение.

В совершенно другую сторону.

Человек Со Стены аккуратно приложил Карту к считывающему устройству, прижал калькой, в свете пламени красной как кровь, и профессиональным движением провел рычагом. Голубой блеск Карты погас. Пропали тени на арках, контрфорсах и ажурных узорах. Нефы наполнились вечным мраком.

– Подтверждение вы получите по почте, – просвистел Человек. Его глаза в провале капюшона горели красным светом. – Ты некоторое время держал в руках весь мир, – добавил он. – Как ощущение?

Он уже не стоял на пути Зембы; рукой, спрятанной в слегка колышущемся, словно старая паутина, рукаве, указывал на дверь.

– Ты выиграл. Я больше не буду заниматься тобой. А сейчас иди.

Земба двинулся вверх. К свету.

* * *

Он стоял на улице, подставив лицо мартовскому солнцу, которое пробивалось сквозь стальные разорванные тучи. Стоял перед больницей, из которой вышел на собственных ногах. Он жил. Он мог дышать. Он жил. Земба никогда не предполагал, что сама жизнь, само биологическое существование можно ощущать. А теперь ощущал. Чувствовал всем своим нутром. Вдыхал воздух и выдыхал углекислый газ. Легкие расширялись и сжимались. Сердце билось

и перегоняло по жилам не отраву, а чистую кровь. Желудок и внутренние органы работали. Функционировал кишечник и пенис, мозг и мышцы. Все системы готовы. Земба жил и был здоров.

Он смотрел на мир и восхищался им. Чувствовал его пульс в тельце первого смелого жаворонка, летящего в небо, по которому с сумасшедшей скоростью двигались похожие на ключья серых плащей тучи, чувствовал стук сердца и работающие батарейки жизни в телах водителей машин скорой помощи, которые одна за другой сумасшедшей вереницей подъезжали к больнице и захлебывались в звуках сирен. Он чувствовал, как пульсирует жизнь во всех существах, двигающихся вокруг него, дышащих, перегоняющих кровь. Везде вокруг него – в земле, в воздухе, под землей. Он таял в океане жизни. Он был как пьяный, лишенный способности оценивать, наблюдать и критиковать. Для этого еще придет время. Пока же он созерцал жизнь и мир. Простую красоту солнца, блестящего меж дико летящими тучами и рисующего радужные блики на кристалликах разбитого стекла. Великолепные фигуры густого дыма, возносящегося между домов. Волны холодного, насыщенного нефтью и гнилостью ветра.

Улицы были пустынные, вокруг не оказалось не только такси, но и вообще ни одной машины. Наверное, какой-то праздник. Ветер гнал по асфальту тысячу листков бумаги, похожих на конфетти-переростки. Ближе всего было до работы. Земба пошел пешком, наслаждаясь каждым шагом. Особняк, в котором был его офис, стоял на тихой улочке в окружении голых деревьев, под которыми еще сохранились пятна вмерзшего закристаллизованного грязного снега. Калитка была открыта, кто-то вырвал кассету электронного замка. Объектив камеры висел на пучке светодиодов, словно выпученное око, но этот вид показался Зембе скорее забавным. «Хулиганы, – добродушно подумал он. – После праздниковотремонтируем». Дверь была открыта, но внутри никого не было. Терракотовое покрытие на полу покрывал симпатичный светло-коричневый рисунок глубоких следов от военных сапог. «Так даже красиво», – подумал Земба.

Стекла в студии звукозаписи превратились в сугробы кристаллов, хрустящих под ногами. Он прошел мимо развороченных рабочих столов и заваленных электронным мусором макбуков. У стены на полу, закатив глаза, сидел Стефан, тупо глядя перед собой. Он поднял голову, демонстрируя седую бороду, с одной стороны окрашенную в рыжий цвет. На его щеках засохли размазанные подтеки крови.

– Я живой, – произнес Земба. – Стефан, я живой!

Стефан поднялся и заключил Зембу в широкие дружеские объятия. Земба похлопал друга по спине. И тут Стефан вдруг расплакался.

– Все будет хорошо, – бормотал Земба. – Студию отремонтируем... Ничего страшного... только оборудование. Я жив, Стефан. Мы все живы. Мы возьмем камеры и поедem. Куда-нибудь, где что-то происходит. Покажем людям, как прекрасен мир. Покажем еще столько всего прекрасного, Стефан. Я возьму с собой Олю, мы снимем все красоты мира... У меня столько идей...

– Что ты хочешь снимать? – воскликнул Стефан сквозь слезы. – Что ты хочешь показать? – Он вырвался из рук Зембы и вытащил из горы мусора на полу помятую компьютерную ленту – распечатку информационного сервиса. – Это?! Горящий Ватикан? Шесть тысяч трупов в Риме? Отравленный зарином Бонн? Четыре миллиона трупов на улицах? Может, милицию прогресса, умиряющую Лос-Анджелес? Может, семьсот самосожжений на Таймс-сквер? Или живые факелы вдоль дороги в Москву? А может, восемь тысяч распятых на стадионе «Янки»? А может, ты хотел бы показать варшавские улицы? Резню в Праге? А может, бригады эвтанизии, выискивающие христиан? А может, отряды Новой Конгрегации, сжигающие еретиков? Ты не заметил, что мир сошел с ума? Кому ты хочешь показывать... чудеса?! Это конец, Земба, беги отсюда. Спасай жену и детей и убегайте. Держитесь подальше от городов. И не доверяй

никому. Ни Конгрегации, ни Католической Армии свободы, ни Социалистической акции. Все ненормальные. Убегай!

Земба посмотрел на него и вышел на улицу. Он был здоров. Мог дышать. Мог жить. Вдруг скорлупа счастья упала с него, но он по-прежнему ничего не понимал. Он шел как автомат и смотрел. Исчезли рекламы. Идиотские уличные билборды горели или пугали дырами, как после попадания пуль. Не все магазины были разбиты и разграблены, но со всех сорвана реклама. Слоганы, бесполезные цветные плакаты, веселенькие рекламные игрушки лежали обуглившимися кучами на углах улиц. Он не думал. Он фиксировал все как живая камера. Как последний журналист в мире, делающий репортаж для Последнего Суда. Приближение. Толпа. Все в мешках с прорезями для рук и головы. Фиолетовые от холода стопы топчут мерзлую кашу. Женщины с непокрытыми головами и четками в руках. В огонь летят книжки. Скручиваются цветные обложки, горящие страницы летят по ветру как черные бабочки. Панорама.

Хор бессвязных слов, над головами с дикой скоростью несутся свинцовые облака. Резня. Выжженный скелет костела, на уцелевшей стене надпись черной краской из баллончика: ПОКАЙТЕСЬ, на ступеньках мертвый, со вспоротым животом, человек в сутане. На пепелище возносится в небо пробитая подковным гвоздем железная ладонь. Резня.

В разгромленном секс-шопе лежат тела, они уложены ровно в ряд. Худошащая девушка, словно хирург, наклонилась над животом одного из лежащих. Ее руки и скальпель по локоть в крови. На стене надпись: МУЖЧИНЫ – ШОВИНИСТИЧЕСКИЕ СВИНЬИ. Резня.

Девушка выброшена на кучу мусора, застывшие ноги широко расставлены, в стеклянных глазах дико мчащиеся облака. Где-то далеко разрезает воздух одинокое стаккато автомата Калашникова. Резня. Шестеро молодых людей идут шеренгой по всей ширине улицы, на них длинные рубашки, на груди пацифистские металлические значки, на высоко выбритых лбах надпись: Гайя. Один из них вытаскивает прямо в камеру бейсбольную биту.

– У тебя кожаные сапоги, браток. Сколько животных должны были отдать за них свои жизни, фашист?!

Резня. Конец передачи.

Земба очнулся, опуская руку в карман: «Я заплачу тебе» Карта работала всегда. Каждому можно было заплатить.

Но у него уже не было Карты. Он отдал ее.

Боевик положил палку на плечо и облизал губы. Земба вынул руку из кармана и посмотрел на нее.

Карты не было. Только горсть железных пуль.

Торунь, август 1997

Рассказ психотерапевта

Вечером по четвергам я ношу в себе зло всего мира. Во всяком случае, так это ощущаю. Каждый четверг, каждый полный слез вечер четверга мне кажется, что тяжесть всего того, что люди оставляют в моем небольшом стерильном кабинете, еще минута – и снесет стены. Я работаю с понедельника до четверга каких-то шесть часов в сутки. Можно лопнуть от зависти!

Когда я покидаю клинику, то голова напоминает бетонный мусорный ящик. Люди бросают в нее свои страхи, потерянные надежды, обманутую любовь, навязчивые идеи и не исполненные мечты. В четверг вечером я ими переполнен. В понедельник я – прекрасный психотерапевт с чутьем и вообще. Предлагаю поддержку, безусловное принятие и готовые рецепты. Килограммами. А вот последний пациент вечером в четверг – это посланец ада.

Кабинет в маленькой частной клинике, где я работаю, идеально обезличен: белые стены, простой современный стол, лампа и кресло. Он мог бы быть кабинетом обыкновенного терапевта или врача-ларинголога. Единственная разница в наличии кожаного директорского кресла, где располагаются мои пациенты. В кабинете врача вас обычно просят присесть на складном металлическом, как будто из придорожного бара, стульчике. Здесь вращающееся удобное кресло. В него усаживаются, чтобы очистить встревоженную душу от мусора цивилизации. Клиника частная. Один визит стоит минимум сто злотых. Несмотря на это выходящий из кабинета пациент как правило встречает в дверях следующего. У меня всего несколько секунд, чтобы плавно перейти с невроза, вызванного эндогенным страхом, к депрессии или от невроза на почве охлаждения сексуальных отношений к острой форме агорафобии. По сути, психотерапевт после шести часов такой работы уже никуда не годен. С тем же успехом можно рассказать свои проблемы бюсту Фрейда. Первые три дня организм функционирует еще безупречно. В четверг сопротивляемость исчезает. Психотерапевт должен быть стойким, состояния пациентов должны стекать с него как с гуся вода, как дождь с перьев лебедя и оставаться за дверями кабинета. Звучит ужасно, но это вопрос выживания. Психотерапевт, который перестает спать по ночам, мучимый кошмарами больных, сам на пути в пропасть. Но в конце недели плотина начинает давать слабину, и тогда моя личность просто-напросто распадается. Из самых темных челюстей ада начинают выползать самые тяжелые случаи и рассаживаются на диванчиках перед кабинетом.

Это был последний в этот день пациент.

Я уже закончил абсолютно неудачную сессию с тридцатилетней домохозяйкой, которой регулярно изменял муж (третья встреча); ее участие заключалось лишь в горестных слезах и нескольких обвинениях, произнесенных в адрес супруга. Ничего не помогло – отсутствие контакта.

Потом был замкнутый пятидесятичетырехлетний инженер с острой ипохондрией на фоне страха смерти, испытывающий ко мне животную ненависть. Он не верил в психотерапию и желал это доказать. Пришел, потому что его послали измученные домашние, а ему хотелось им доказать, что он напрасно тратит деньги. Когда за ним закрылась дверь, я попросил у секретарши пять минут перерыва, моля, чтобы она сказала что-то типа: «Доктор, а пациент на восемнадцать не пришел». Она упорно называла меня «доктор», такая медицинская привычка.

Я бы посидел тогда полчаса, потихонечку восстанавливая контакт с миром и желание жить. А потом пошел бы домой и потерял сознание.

Мои молитвы не были услышаны, но мнимый авторитет врача дал мне пять минут. Я сделал в блокноте несколько записей, касающихся предыдущего пациента. Немного, потому что в этот день в этом не было никакого проку. В блокноте находятся результаты воздействия различных словесных ловушек, которыми психотерапевт может вытащить из человека спрятанное.

танные в бессознательном мотивы и сведения. Но в конце недели там чаще всего множество бессмысленных рисунков и картинок на полях.

Потом я открыл окно и, к огорчению всего мира, выкурил сигарету. Я считаю, это лучше, чем если бы я принял ксанакс, и действует быстрее. Чтобы избавиться от неопределенных и кажущихся проблем, я сконцентрировался на «здесь и сейчас», а потом попробовал подумать о себе с симпатией. Не вышло. Я чувствовал себя развалиной. Дело в том, что после нескольких дней работы я сам перестаю верить в психологию. Мне кажется, что если бы я мог исправить судьбы моих несчастных пациентов – избавить от необходимости участвовать в крысиных бегах, дать возможность куда-то уехать родителям или лишиться финансовой зависимости от родителей супруга, – пришло бы чудесное выздоровление. Они держали ладонь над пламенем свечи, а я учил их силой мысли убирать боль вместо того, чтобы просто погасить огонь. Нормы общения цивилизованных людей учат, что у здорового человека на лице улыбка, даже если его рука горит. К сожалению, для того чтобы действительно врачевать боль души, нужно быть Богом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.